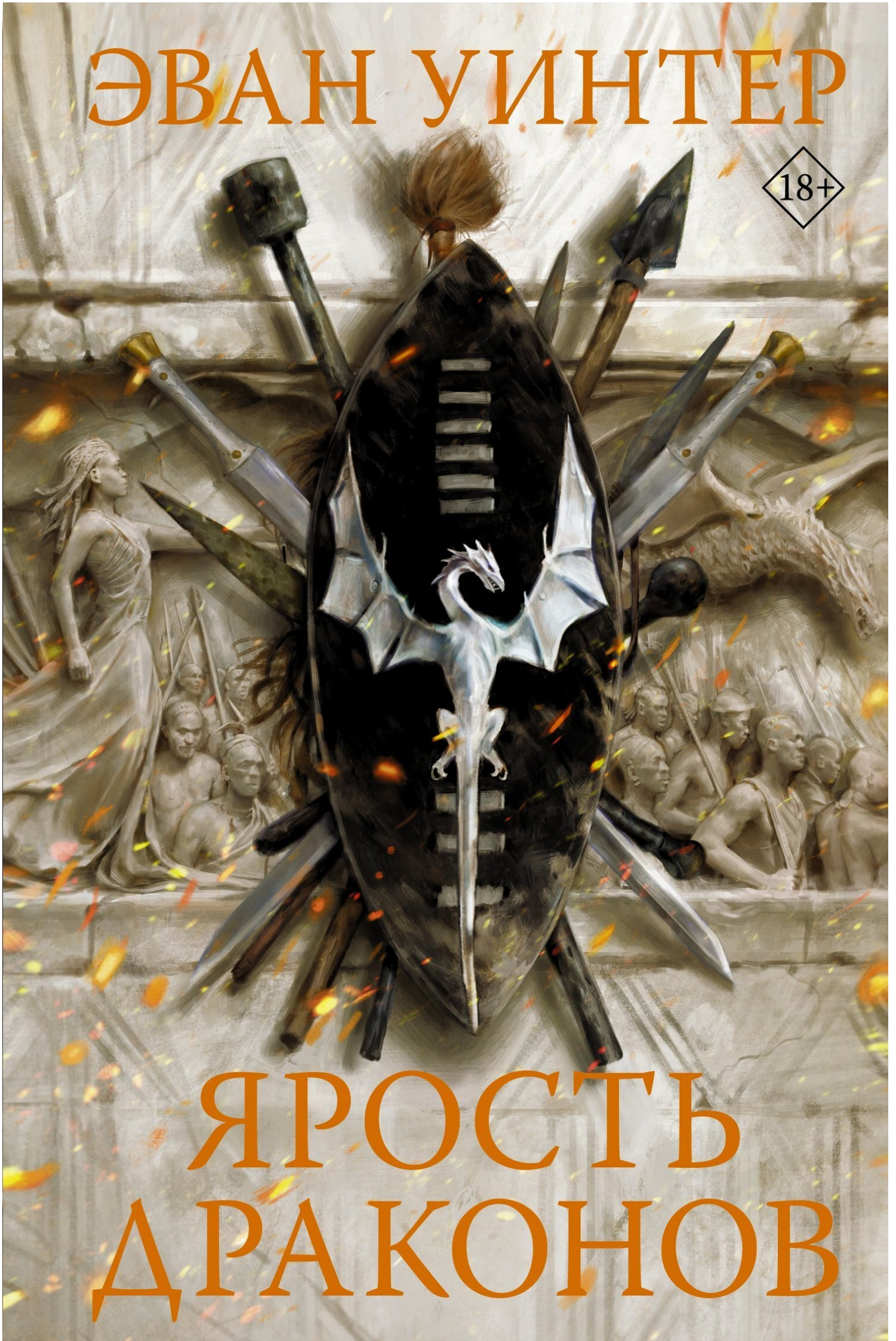

ЭВАН УИНТЕР

18+

ЯРОСТЬ ДРАКОНОВ

Фэнтези: открытие

Эван Уинтер

Ярость драконов

«Издательство АСТ»

2019

УДК 821.111-312.9(71)
ББК 84(7Кан)-44

Уинтер Э.

Ярость драконов / Э. Уинтер — «Издательство АСТ»,
2019 — (Фэнтези: открытие)

ISBN 978-5-17-119964-7

Народ омехи ведет непрерывные войны. В каждом поколении избранные счастливчики рождаются Одаренными: у одних есть дар призывать драконов, другие могут магическим образом превращаться в большие, мощные и быстрые машины для убийства. Всем остальным суждено умирать в бесконечных битвах... Но Тау Тафари, родившийся без дара, мечтает вырваться из этого порочного круга. Смелому парню предстоит пройти немислимый путь и стать единственной надеждой омехи на мирную жизнь.

УДК 821.111-312.9(71)
ББК 84(7Кан)-44

ISBN 978-5-17-119964-7

© Уинтер Э., 2019
© Издательство АСТ, 2019

Содержание

Пролог	6
Высадка	6
Чемпион Циори	8
Ингоньяма	12
Чудовище	16
Глава первая	18
Наследник	18
Долг	23
Налет	26
Стражники	31
Воины	33
Победа	36
Глава вторая	38
Планы	38
Смелость	42
Пути	45
Сыновья	48
Мужчины	52
Обещания	56
Королева	58
Глава третья	62
Испытание	62
Острие	64
Довольно	68
Храбрый	71
Изгнан	73
Лекан Онаи	76
Падший	79
Конец ознакомительного фрагмента.	80

Эван Уинтер

Ярость драконов

*Отцу за то, что научил усердно трудиться;
Матери за ежедневные уроки бесконечной любви;
Жене – лучшему партнеру, какого может обрести мужчина;
Сыну, потому что эта история – для тебя.*

Ewan Winter
THE RAGE OF DRAGONS

Печатается с разрешения литературных агентств Adams Literary и Andrew Nurnberg.
Copyright © 2017 by Ewan Winter

Художественное оформление *Екатерины Климовой*
Перевод с английского *Артема Агеева*

Cover design by Lauren Panepinto
Cover illustration by Karla Ortiz
Cover copyright © by Hachette Book Group, Inc. Map copyright © 2019 by Tim Paul
© А. Агеев, перевод на русский язык
© ООО «Издательство АСТ», 2020

Пролог

Высадка

Королева Тайфа стояла на носу «Таргона», поднятого на берег боевого корабля, и смотрела на резню, развернувшуюся на песке. Все ее корабли опустели. Избранные, мужчины и женщины, уже были на берегу, уже убивали и погибали. Их крики, сливаясь с криками врагов, накатывали на нее волна за волной.

Тайфа посмотрела на солнце. Оно палило высоко в небе, и убийства было не остановить до глубокой ночи. Значит, смертей будет еще много. Сзади слышались знакомые шаги, и она попыталась найти в поступи Циори утешение.

– Моя королева, – произнес он.

Тайфа кивнула, давая ему слово, но не отрывая взгляда от бойни на берегу. Если ее народу суждено погибнуть, она должна это видеть. Хотя бы это было в ее силах.

– Берег мы не удержим, – сообщил Циори. – Нужно отступать и возвращаться на корабли. Нужно снова спустить их на воду.

– Нет, на воду я не вернусь. Весь флот скоро будет здесь.

– Семьи, дети, старые и немощные. Не бойцы. Не Одаренные.

Тайфа не повернула головы. Она не могла смотреть ему в глаза. Пока не могла.

– Здесь красиво, – сказала она ему. – Жарче, чем на Озонте, но красиво. Смотри. – Она указала на горы вдалеке. – Мы высадились на полуостров, который окаймлен горами и разделен ими надвое. Его легко защищать, его можно возделывать. Мы можем здесь поселиться. Можем ведь? Создать дом для моего народа.

Она посмотрела ему в глаза. Его присутствие успокаивало ее. Чемпион Циори, сильный и преданный. С ним она чувствовала себя в безопасности, чувствовала себя любимой. И ему желала того же.

Его брови были сдвинуты, бритая голова блестела от пота. Он только что вернулся с передовой. Ей не нравилось, что он лично принимал участие в сражении, но он был ее чемпионом и она не могла просить его остаться на корабле, пока ее люди, его воины, погибают.

Он переступил с ноги на ногу и заговорил. Она не хотела слушать. Довольно докладов, довольно речей о тех странных дарах, которые здешние дикари использовали против ее людей.

– «Малава» прибыла несколько солнечных промежутков назад, – сказала она. – На борту была моя старая няня. Она ушла к Богине прежде, чем корабль достиг суши.

– Санура погибла? Моя королева... Мне так...

– Помнишь, когда я была мала, она рассказывала историю о собаке, которая меня укусила?

– Помню, что вы укусили ее в ответ и не отпускали. Сануре пришлось позвать королевского стражника, чтобы оттащить вас от бедного животного.

Тайфа повернулась обратно к берегу, усеянному тысячами тел мертвых и умирающих.

– Санура отправилась к Богине, находясь на том корабле, так и не узнав, что мы нашли землю, не узнав, что мы спаслись от Отсева. Они не смогли даже должным образом ее сжечь. – Звуки боя стали будто бы громче. – На воду я уже не вернусь.

– Тогда мы умрем на этом берегу.

Момент наступил. Где ей взять смелости, чтобы встретить его взгляд?

– Одаренные, которые вышли с разведчиками, прислали весть. Они заметили Ярость. – Скрепя сердце, Тайфа указала на горизонт, поверх бойни. – Драконы гнездятся в Центральных горах, тех, что делят полуостров, и один из них разродился. Теперь, когда есть детеныш, я создам когорту.

– Нет, – сказал он. – Только не это. Тайфа...

В его голосе она услышала отчаяние. Но она не позволит ему поколебать ее решимость.

– Как мы сможем заключить мир с дикарями, если так с ними поступаем? – сказал Циори, но ее было не переубедить, и он, по-видимому, это почувствовал. – Нам нужно было только преследовать их, – продолжил он. – А если мы используем драконов, мы уничтожим эту землю. Если мы используем драконов, нас найдет Отсев.

От этих слов у нее по спине пробежал холодок. Тайфа отчаянно пыталась забыть то, от чего бежала, однако понимала: проживи она хоть тысячу циклов, она этого не забудет.

– Можешь захватить эту землю для меня, мой чемпион? – спросила она, ненавидя себя за то, что заставляет его почувствовать вину, увидеть свое несовершенство.

– Не могу.

– Тогда, – сказала она, поворачиваясь к нему. – Это сделают драконы.

Циори не смотрел ей в глаза. Так сильно она его задела, так сильно разочаровала.

– Это лишь на время, – сказала она, пытаясь вновь обратить его внимание на себя. – Его будет достаточно для выживания, но недостаточно, чтобы нас заметил Отсев.

– Тайфа...

– Ненадолго. – Она протянула руку и коснулась его лица. – Клянусь моей любовью к тебе. – Он был ей нужен, и она чувствовала себя такой хрупкой, что боялась сломаться, но прежде всего ей необходимо спасти своих людей. – Сумеешь дать нам время, чтобы когорта сделала свое дело?

Циори взял ее руку и поднес к своим губам.

– Ты знаешь, что да.

Чемпион Циори

Циори смотрел на незаконченные карты, разложенные на единственном столе командной палатки. Он старался не терять лица, излучать силу перед военачальниками, что стояли рядом, но все же слегка покачивался, как травинка на легком ветру. Ему нужно было отдохнуть, однако никакого отдыха не предвиделось.

Минуло три дня с тех пор, как он в последний раз ходил к кораблям увидеться с Тайфой. Ему не хотелось думать, что он таким образом ее наказывает. Он убеждал себя, что ему необходимо находиться здесь, где идут самые ожесточенные бои. Она хотела, чтобы он удержал берег и продвинулся вглубь территории, и именно этим он сейчас занимался.

Прибыл последний из двухсот пятидесяти кораблей, и теперь все женщины, мужчины и дети – все оставшиеся Избранные – находились на этой враждебной земле. Большинство кораблей было разобрано на материалы, растащено по кускам, лишь бы помочь омехи выжить. Отступить было некуда. Поражение в войне с дикарями означало бы конец для его народа, а этого Циори допустить не мог.

Последние несколько дней были наполнены тяжелыми сражениями, но его воинам удалось отразить силы местных. Более того, Циори занял берег, продвинулся за линию деревьев, а потом провел основную часть своей армии в глубь полуострова. Он не способен удержать всю территорию, которую удалось отвоевать, но он дал ей время. Он сделал так, как просила его королева.

И все же он не мог не сердиться на нее. Он любил Тайфу, сама Богиня видела, что любил, но она играла со смертью. От того, что они захватят полуостров при помощи драконов, толку будет немного, если они тем самым навлекут на себя Отсев.

– Чемпион! – В командную палатку вошел воин Индлову, прервав поток мрачных мыслей Циори. – Майора Оджоре оттесняют. Он просит прислать подкрепление.

– Скажи ему, чтобы держался. – Циори видел, что молодому воину хотелось что-то добавить, но он не дал ему такой возможности. – Скажи майору Оджоре, чтобы держался.

– Да, чемпион!

Харун сплюнул листья каллы, которые по своему обыкновению жевал.

– Он не удержится, – сообщил полковник Циори и остальным членам Совета Стражи. Мужчины теснились во временной палатке, установленной подальше от берега и горячих песков, под сенью сухих деревьев. – У него кончились стрелы, а дикарей только они и сдерживали, но на этой забытой земле, видит Богиня, деревья слишком ломкие, чтобы изготовить еще стрел.

Циори посмотрел на дюжего полковника через плечо. Харун стоял так близко, что можно было услышать его зловонное дыхание. Повернувшись к нарисованной разведчиками от руки карте полуострова, Циори покачал головой.

– У нас нет подкрепления.

– Вы обрекаете Оджоре и его бойцов на смерть.

Циори сделал паузу, и тут, как он и думал, вмешался полковник Дайо Окелло.

– Харун прав. Оджоре не выстоит, и мы потеряем весь фланг. Вам нужно поговорить с королевой. Переубедить ее. Мы в меньшинстве, а дикари владеют дарами, с которыми мы никогда раньше не сталкивались. Нам не победить.

– Нам и не нужно побеждать, – ответил Циори. – Нам нужно только дать ей время.

– Сколько времени? До тех пор, пока у нас не будет драконов? – спросил Тахир, принявшись расхаживать по палатке. Он больше не был похож на того человека, которого Циори знал прежде. Тахир Они принадлежал к одной из богатейших семей Избранных и славился умом и пунктуальностью. И он всегда тщательно следил за своим внешним видом.

Раньше, на Озонте, когда бы Циори ни встретил Тахира, полковник был свежевыбрит, его темная кожа блестела от масла, а форма подчеркивала мускулистый торс. Но человек, стоявший перед ним сейчас, не имел ничего общего с этим воспоминанием.

Голова Тахира заросла щетиной, кожа была сухой, а форма висела на изможденном теле. И, что хуже всего, Циори было сложно не смотреть на обрубок правой руки Тахира, которая кровоточила сквозь бинты.

Циори нужно было успокоить людей. Он был их предводителем, их инколели, и им следовало верить в свою миссию и королеву. Он поймал взгляд Тахира и постарался его удержать, заговорив с подчеркнутой уверенностью, но глаза воина бегали, словно у хищного зверя.

– Дикари не устоят против драконов, – сказал Циори. – Мы их одолеем. Как только у нас будет твердая опора, мы сможем отстоять и долину, и весь полуостров.

– Ваши слова да Богине бы в уши, Циори, – пробормотал Тахир, не добавив ни одного из его почетных обращений.

– Если мы сбежали от Отсева, это еще не значит, что мы не погибнем здесь, – сказал Дайо, эхом повторив невысказанную мысль Циори. – Я хочу сказать, что мы можем вернуться на корабли и поискать место более... доступное.

– Какие корабли, Дайо? Их не хватит на всех, и запасов, чтобы плыть дальше, у нас нет. Нам вообще повезло, что драконы привели нас сюда, – заметил Циори. – Это было рискованно – надеяться, что они найдут землю прежде, чем мы помрем с голода. Даже если мы сможем выйти в море без них, шансов у нас нет.

Харун развел руками.

– А это, по-твоему, шанс, Циори?

– Лучше погибнуть в море?

– Лучше вообще не погибать.

Циори видел, к чему ведет Харун, и понимал, что с такими разговорами недалеко до измены. Это были непоколебимые, славные люди, но из-за тягот путешествия они стали такими же ломкими, как древесина на этой странной земле. Он пытался подобрать слова, чтобы их успокоить, когда снаружи палатки послышались крики.

– Что, во имя Богини... – начал Харун, поднимая полог палатки, чтобы посмотреть, что случилось. И даже не успел заметить топор, который отнял у него жизнь. Все произошло слишком быстро.

Тахир выругался, отпрянув, когда перерубленное тело Харуна рухнуло на пол у его ног.

– Мечи к бою! – приказал Циори, вынимая оружие и прорезая заднюю стену палатки.

Циори первым выскочил наружу, шурясь от ослепительного света, пока все вокруг погрузилось в хаос. Непостижимым образом крупный отряд дикарей пробрался далеко к ним в тыл и атаковал слабо защищенный командный пункт.

Едва он успел это осознать, как к нему подскочил дикарь с копьем в руке. Циори, инколели войска омехи, чемпион королевы Тайфы, увернулся от удара и с силой вонзил свой меч врагу в шею. Клинок вошел глубоко, и дикарь упал, забрызгав белый песок кровью.

Циори повернулся к своим полковникам.

– Возвращаемся на корабли!

Это был единственный выход. Большинство воинов находилось на передовых, далеко за линией деревьев, но враг разделил Циори и его армию. Часть воинов и Одаренные оставались на берегу, там они разбили лагерь в тени опустевших кораблей, чтобы защищать народ омехи. И если Циори, полковники и те, кто был приписан к командному лагерю, надеялись выжить и отбить нападение из засады, нужно было возвращаться туда.

Циори проклинал свою глупость. Ведь это полковники пожелали установить командную палатку за линией деревьев, чтобы укрыться от палящего солнца, и хотя у него было ощущение, что это неправильно, Циори не смог отговорить их. Линия деревьев проходила далеко от

передовых, и он посчитал, что им хватит воинов, чтобы обеспечить себе защиту. И это стало ошибкой.

– Бегите! – закричал Циори, таща Тахира за собой.

Они сделали три шага, прежде чем путь к спасению им преградил очередной дикарь. Тахир потянулся было к мечу, на мгновение забыв, что потерял свою рабочую руку. Он позвал на помощь и дотронулся до клинка левой рукой. Но едва его пальцы коснулись рукояти, как дикарь зарубил его.

Циори выставил меч перед собой и, бросившись к полуголому убийце Тахира, нанизал его на клинок. Затем отступил от пронзенного врага, желая стряхнуть его, но дикарь, с пузырящейся во рту кровью, дотянулся до него костяным кинжалом.

Бронзовая кольчуга Циори приняла удар, и он ухватил нападавшего за запястье, переломив его о колено. Кинжал упал на песок, и Циори заехал лбом в нос противнику, так что у того запрокинулась голова. Циори подался всем телом вперед, чтобы всадить остальную часть меча оглушенному врагу в живот, и тот издал истошный вой, окатив Циори кровью и слизью.

Циори выдернул оружие, сбросив на землю погибающего туземца, и развернулся, чтобы собрать своих людей. Увидел, как Дайо отбивается от пятерых дикарей с помощью одного лишь воина, и побежал к ним, заметив, что из-за деревьев появляются новые враги.

Они были в явном меньшинстве, и, если не отступить, их ждет смерть. Пока он бежал к полковнику, Дайо в бок вошло острие длинного копья, и тот рухнул. Воин, сражавшийся рядом, убил хозяина копья, а Циори на полной скорости врезался сразу в двоих дикарей, повалив их на землю.

Упав на них сверху, он вытащил из-за пояса кинжал и воткнул его в глаз ближайшего дикаря. Второй же, пытаясь выбраться из-под него, потянулся к прижатому телами оружию, но Циори ткнул рукоятью меча ему в горло и придавил своим весом. Он услышал, как хрустнули позвонки дикаря, и тот обмяк.

Циори поднялся на ноги и схватил Дайо:

– Идем!

Тот побрел за ним, истекая кровью.

– Назад к берегу! – приказал Циори воинам. – Назад на корабли!

Циори побежал, оглядываясь и видя, как его люди гибнут. Дикари всюду применяли свои дары, скрываясь среди бела дня. На бегу Циори отметил, что из пустого, как казалось, пространства среди деревьев появлялось все больше и больше местных. С помощью этого трюка они и переместили атакующие силы с передовой к командной палатке.

Циори подгонял себя. Ему нужно было как можно скорее добраться до резервных сил и успеть отдать приказ занять позиции для обороны. Сердце колотилось у него в груди, но не от бега. Если силы дикарей достаточно велики, они могут перебить в этой внезапной атаке всех.

На передовой у омехи еще оставалась армия, но женщин, мужчин и детей, которых им надлежало защищать, ждала смерть.

Циори услышал галоп за спиной. Ингоньяма со своей Одаренной вдвоем скакали на одной из немногих лошадей, которых они погрузили на корабли при побеге с Озонте. Ингоньяма заметил Циори и направлялся теперь к нему.

– Чемпион, – обратился к Циори мужчина, спрыгивая вместе с Одаренной на землю, – возьмите лошадь. Я помогу остальным бежать.

Циори сел верхом, отдал честь и, прежде чем ускакать прочь, обернулся. Одаренная – это была молодая женщина, почти девочка – закрыла глаза и сосредоточилась, а Ингоньяма стал меняться, сначала медленно, затем все быстрее и быстрее.

Воин вырос на глазах. Его кожа, и без того очень темная, стала еще чернее, а мышцы зашевелились, будто под плотью извивались миллионы червей, и принялись перестраиваться,

уплотняясь и увеличиваясь. Воин омехи, Великий Вельможа, и без того был могуч и смертоносен, но с силами Одаренной превратился в настоящего колосса.

Ингоньяма издал леденящий душу рев и бросился на врагов. Дикари пытались удержать позиции, но даже самый искусный из них не мог бы противостоять Разъяренному Ингоньяме.

Одному Ингоньяма разможил череп рукоятью меча, а другого рассек лезвием от ключицы до пояса. Затем, схватив третьего дикаря за руку, отбросил его на десяток шагов.

С заметным напряжением, отразившимся на лице, Одаренная делала все, что было в ее силах, чтобы поддерживать превращение Ингоньямы.

– Чемпион приказал отступить! – крикнула она бойцам омехи, которые были поблизости. – Возвращайтесь на корабли!

Девочка – она была слишком молода, чтобы Циори мог думать о ней как-то иначе, – стиснула зубы, вливая энергию в разъяренного воина, который боролся с еще шестью дикарями, обступившими его.

Первый из дикарей отшатнулся – его грудь провалилась внутрь под кулаком Ингоньямы. Второй, третий и четвертый набросились на него все разом с мечами. Циори видел, как Одаренную покачивает с каждым ударом, который принимает ее Ингоньяма. Но она храбро держалась, пока Разъяренный сражался и убивал врагов.

«Довольно, – подумал Циори, – отступай. Довольно».

Ингоньяма не отступал. Они почти никогда не отступали. Колосса окружили, враги теснили его со всех сторон и наносили удар за ударом, чтобы разорвать связь с Одаренной или убить ее.

Когда произошел разрыв, появилось две вспышки света – от Ингоньямы и от Одаренной. На то, что произошло после, смотреть было тяжело. Оставшись без энергии, тело Ингоньямы стало уменьшаться, а сила – угасать. Следующий удар меча рассек его плоть, и уже одного этого было бы достаточно, чтобы он погиб от ранения.

Но дикари ждать не стали. Они разрубили его на куски и бросились к Одаренной. Та вынула из туники нож и перерезала себе горло прежде, чем они подоспели. Однако это их не остановило: они с улюлюканьем набросились на нее и несколько раз пронзили девушку мечами.

Циори хватило этого зрелища – он отвернулся и подстегнул лошадь. Нужно было добраться до кораблей и резервов армии Избранных. Ингоньяма и Одаренная отдали за это свои жизни. И тяжело было думать о том, что оно того стоило.

Из-за деревьев высыпало слишком много дикарей. Они собрали такие силы, что Избранным не устоять. Этой битве суждено стать последней.

Ингоньяма

Королева Тайфа выбежала из главной комнаты своей каюты. Ее визирь, прервавшая встречу с Правящим Советом, уводила ее на носовую палубу. Дикари обошли передовые линии, которые держали Избранные, и атаковали омехи.

Правящий Совет был потрясен новостями. Его члены донимали Тайфу с тех пор, как она обещала им драконов, и она сообщила, что когорта почти готова. Королева напомнила членам Совета, что всегда выполняет свои обещания, втайне надеясь, что не выдаст собственной неуверенности в способности сдержать слово и на этот раз.

И теперь, спеша за своим визирем, Тайфа старалась мысленно подготовиться. Она намеревалась сделать все, что в ее силах, чтобы выиграть битву, но она была неглупа. Если они переживут этот день, совет попытается ограничить ее власть. Вот тогда-то случится настоящая трагедия.

Вероятно, совет прикажет высшим кастам вернуться на оставшиеся на плаву корабли. Они попытаются спастись бегством, бросив Меньших на произвол судьбы.

Такого Тайфа допустить не могла. Это не ее метод, однако в военное время она могла править жестко. Она не была тираном, но хороший правитель не может стоять в стороне и смотреть, как уничтожают ее народ. Хороший правитель не может позволить, чтобы перепуганные дураки обратили свой страх в безумие.

Совету требовалось управление – не обсуждение, не разрешение, не компромисс. Разве не так была устроена армия под началом ее чемпиона? Разве не так выигрывались войны? Разве Избранные не участвовали сейчас в войне?

Размышления напомнили ей о Циори. Если Тайфе придется противостоять Правящему Совету, он будет нужен ей больше, чем когда-либо. Он будет ей нужен, хоть он ни разу не приходил к ней с тех пор, как она объявила о решении собрать когорту.

Ей не хотелось думать, что так он наказывал ее. Она могла приказывать ему прийти, но не стала этого делать. Это нарушило бы их негласное правило. Она была его королевой, но он был ее любовником. Она не ждала от него подчинения. Ей нужен был равный. Он не мог быть с ней на равных при людях, но наедине они размывали границы.

Он слишком упрям, думала она, ступая на палубу корабля и размышляя, как онотреагирует, если она распустит совет. Наверняка займет ее сторону, решила она, наверняка...

Королева Избранных Тайфа Омехия не успела закончить мысль. Она увидела, что ее худший кошмар стал явью.

Берег был захвачен, повсюду сновали враги. Она не могла понять – как столько дикарей пробралось за передовую? Не могла... Один из Избранных погиб, когда ему в грудь вошло копьё язычника. Она отвернулась от страшного зрелища и увидела двух женщин, ее подданных, – до них тоже добрались туземцы.

– Что случилось? – спросила она.

Ни ее Королевская Стража, ни визирь, ни члены Правящего Совета, следовавшие за ней, – никто не ответил.

Она услышала боевой клич, а затем стук копыт. Звуки доносились со стороны одного из ее разрушенных кораблей, разобранных ради древесины и прочих материалов. Вдоль ребер обглоданного судна мчалась дюжина лошадей – на них восседал отряд Разъяренных Ингоньям. У королевы сердце ушло в пятки.

Во главе отряда скакал Циори. И он тоже был разъярен.

– Нет, – прошептала она.

Ингоньямы врезались в самую гущу битвы и теперь расчищали себе путь среди врагов, словно пробивались с мачете сквозь заросли высокой травы. Дикари рассыпались во все стороны и погибали, но Ингоньям было слишком мало, а их – слишком много.

– Соберите Одаренных, – приказала королева Тайфа одной из своих посыльных. – Мне нужны Ослабляющие. Пусть бьют по дикарям изо всех сил. И приведите ко мне КаЭйд. Нам нужны драконы, сейчас же.

Посыльная – она была Укрепляющей, – вошла в транс и передала приказы.

– О Богиня, – простонала леди Панья, взглянув на сражение. – Мы разбиты.

– Панья, ты член Правящего Совета, – заметила королева Тайфа своей Придворной Вельможе, не отрывая глаз от Циори. – Веди себя подобающе.

Она не могла поверить, что он так с ней поступил. Всякий раз, когда он вступал в бой с врагом, какая-то часть ее умирала. Если он погибнет...

– Где Ослабляющие?! – вскричала она.

– Там, королева Тайфа. – Леди Юми указала своим длинным пальцем, и Тайфа увидела.

Одаренные стояли чересчур плотной группой. Такая позиция снижала их эффективность, но они были молоды и не успели закончить обучение. А опытные в боях Одаренные находились на передовой. Той самой передовой, которую дикари оставили далеко позади.

Тайфа наблюдала, как девушки пытаются рассредоточиться. Приказа атаковать она не слышала – они были слишком далеко. Но у королевы затеплилась надежда, когда она увидела, как девушки с военной точностью взметнули руки вверх. Они хоть и были юны и неопытны, но считать их неподготовленными было бы несправедливо.

Стена из воинов-защитников, окружавших Одаренных, разошлась в стороны, оставив линию между женщинами и врагом открытой. Тайфа даже издалека увидела, как Одаренные напряглись, когда их силы начали проявляться и из их мерцающих пальцев потекла энергия, волна за волной, и врезалась в дикарей.

Язычники помчались в атаку, прямоком на ослабляющую волну. Все, кого она поражала, падали на колени, животы, спины, они становились совершенно беспомощными. Вскоре Одаренные прервали поток, чтобы их воины смогли броситься на дикарей и порубить их на куски. Тайфа наклонилась вперед, наблюдая за гибелью врагов. Она испытывала удовлетворение, в то же время собственная жажда крови вызывала у нее отвращение.

Сразу после высадки берег для Избранных завоевали именно Одаренные, и прежде всего Ослабляющие. Дикари не знали таких даров, как ослабление и разъярение, и не умели с ними бороться.

Но сейчас было иначе. Враги, получившие множество смертельных уроков, быстро схватывали, и теперь одна из их предводительниц разделила своих бойцов на несколько групп и направила их в самую гущу воинов Избранных. Юные Ослабляющие, не искушенные в битвах, перепугались. После первой успешной атаки они принялись пускать волны ослабления во все стороны, но то и дело попадали в своих.

Воины Избранных – те, кого дикари не давили численным преимуществом сразу и кто не выходил из строя из-за ослабления, – сражались храбро и встречали страшную смерть. И уже довольно скоро дикари добрались до Одаренных. Женщины бросились бежать, но их догоняли, и крики разносились над песками и достигали ушей Тайфы, уже едва слышные. Но было понятно, что кричали женщины оглушительно.

У Циори дела шли не лучше. Большинство Ингоньям, примчавшихся с ним, уже погибли, а из зарослей на берег все валили дикари.

– Нужно сдаться, – сказала леди Юми. – Еще, может быть, не поздно.

– Мы Избранные, – ответила ей Тайфа.

– Так нас будут называть, когда мы умрем?

Не удостоив ее взглядом, Тайфа проговорила:

– Стража, возьмите леди Юми под арест. Посадите ее в корабельную тюрьму.

Двое стражников схватили пожилую Придворную Вельможу – та выпучила глаза от удивления.

– Вы с ума сошли? – спросила Юми, пытаясь вырваться из железной хватки стражника. – Королева Тайфа, что же это? Неужели вы желаете своему народу гибели?

– Увести ее, – велела Тайфа стражникам, скользнув взглядом по лицам членов Правящего Совета. Те оставались невозмутимы, но Тайфа видела: посыл они уловили.

Она снова сосредоточилась на битве, и ее накрыло отчаяние, когда появилась новая угроза. Дикари высыпали из-за деревьев верхом на крупных зверях – синекожих, с бивнями и рогами, передвигающихся на лапах толщиной в три древесных ствола.

– Это что еще за дьявольские отродья? – изумилась леди Панья. Ее лицо было перекошено от страха.

– Не надо, – прошептала Тайфа, обращаясь к людям на поле боя, к Богине, к Циори. – Прошу, не надо.

Циори и оставшиеся Ингоньямы бросились в атаку.

– Королева Тайфа, – выдохнула КаЭйд, предводительница ее Одаренных. Она совсем запыхалась, рядом с ней стояли еще шестнадцать Одаренных. Очевидно, они к ней бежали во весь дух. – Мы готовы.

Тайфа не слушала. Она наблюдала за атакой, за столкновением лошадей и ужасных тварей, Ингоньям и дикарей. В бой вступили и находившиеся ближе всего к ней воины, Ихаше в серой форме и высокие Индлову, одетые во все черное.

Мечи сверкали, рвалась плоть, ломались кости, люди погибали, и их кровь заливала песок этого чужого берега. Несколько Одаренных, стоявших совсем рядом с бойцами, были неопытными Ослабляющими, но делали все, что могли, – овладевали умами шестиногих тварей, обочивали их против собственных наездников и других дикарей.

Животные становились на дыбы, сбрасывая всадников, бодали и топтали татуированных туземцев. Дикари бросались враспынную, нарушая боевой порядок и давая Ингоньямам временную передышку. Но врагов было слишком много, и королеве Тайфе оставалось лишь наблюдать, как Циори бьется изо всех сил, а потом принимает сокрушительный удар мечом и падает на песок.

– Драконы, моя королева, – сказала КаЭйд.

– Призывайте их, – приказала ошеломленная Тайфа, посылая свою душу к Исихого и мысленно подхватывая КаЭйд и остальных из ее Гекса. Все как один отправили сигнал бедствия, и через мгновение Тайфа почувствовала: драконы зашевелились и поднялись в воздух.

«Скорее, – думала она про себя. – Скорее».

Циори снова был на ногах. Она жалела, что ей плохо его видно. Скорее. Это что, кровь у него на лице?

Дикарь, который сидел верхом на одном из шестиногих чудищ, метнул в Циори копье с длинным древком из белой кости. Чемпион отбил его и рубанул зверя мечом по передней лапе. Тот вздыбился и сбросил всадника. В этот момент Циори нанесли удар в спину. Тайфа закричала, почти сорвавшись с места, но Ингоньяма, защищавший Циори, отбил атаку и разрубил обидчика пополам.

Скорее. Тайфа чувствовала, как плотный горячий воздух рассекают крылья. Чувствовала пылающий драконий гнев, тревогу и горькую ненависть. Скорее.

В Исихого, где пребывала половина ее сознания, королева увидела тусклое свечение души, скрытой за покровом. Это не был один из ее Одаренных. Это был дикарь, и он черпал энергию, чтобы направить ее на поле боя. Тайфа нашла его своими настоящими глазами. Он стоял сразу за линией деревьев, недалеко от места, где сражался Циори. Варвар выставил руки в сторону сражения, и число дикарей вмиг удвоилось.

Увидев это, один из стражников Тайфы удивленно вскрикнул. И хотя это было недопустимо, Тайфа не могла его винить. Она сама никогда не видела такого мощного дара – создавать новые жизни, новых воинов, готовых броситься на врагов. Битва была проиграна. Им было не победить.

– Там! – крикнул тот же стражник. Тайфа посмотрела туда, куда он указывал. Один из Разъяренных Ингоньям рубил дикарей, которые наседали на него со всех сторон. Его меч рассекал их плавно, словно они состояли из воздуха.

Тайфа закрыла глаза, чтобы видеть лишь душой. Одаренный дикарь был здесь, в Исихого. Он притягивал невероятное количество энергии, и его покров должен был вот-вот разрушиться, но она не могла ждать.

Этого не сумел бы сделать никто в ее Гексе, никто из ее Одаренных, но в жилах Тайфы текла королевская кровь, и ей это было по силам. Она разделила свое сознание на трое: одна часть следила за битвой, другая призывала дракона, а третьей она атаковала дикаря.

Она вобрала в себя побольше энергии, прицелилась и выстрелила вдаль, в мглу Исихого. Стрела прожгла дорожку в тумане темного мира, будто пронесшись кометой сквозь ночное небо. Она попала в дикаря и, прежде чем тот успел отреагировать, изгнала его из Исихого – его связь с энергиями оборвалась.

Вокруг Тайфа услышала изумленные крики и открыла глаза. Иллюзорные женщины и мужчины, созданные одаренным дикарем, исчезли, но врагов из настоящей плоти и крови было по-прежнему слишком много.

Вдали, на песке, Циори что-то крикнул своим воинам. Он призывал отступить, пока их не окружили. Если они доберутся до кораблей, то, возможно, сумеют перестроиться.

Группа дикарей ринулась в атаку. Циори отбивался, все еще выкрикивая приказы, но пропустил удар, другой, еще несколько, а потом сделал то, чего Тайфа не простит ему до конца своих дней. Он оборвал связь со своей Одаренной и лишился разъярения.

Тайфа знала: он сделал это, чтобы спасти Одаренную. Тайфа видела, как на него сыпались удары. Она знала, сколько энергии Одаренной понадобилось бы извлечь из Исихого, чтобы сохранить Циори жизнь. Она знала, что, оборвав связь, Циори спас Одаренной жизнь, но ей было все равно.

Циори в спину вошло копьё. Тайфа закричала, когда оно вонзилось в его плоть, и продолжала кричать, когда наконечник копья показался из груди, пробив кожаные доспехи. Тайфа увидела на лице своего любовника удивление, увидела, как оно превратилось в осознание боли: рот раскрылся, хватая воздух, дышать которым его разорванные легкие больше не могли.

Копье вырвали, и он посмотрел – она могла поклясться: он посмотрел точно на нее. А потом Тайфа увидела, как он упал – прямо на неестественно белый песок этого проклятого берега. Чтобы остаться там и умереть.

Тайфа смутно понимала, что все еще кричит, но та часть ее сознания находилась очень далеко в сравнении с всепоглощающим присутствием дракона, появившегося в пределах досягаемости. И она слилась с ним воедино.

Чудовище

Зрение, самосознание и цель Тайфы разделились. Она видела поле боя с воздуха. Женщины и мужчины, гибнущие десятками, казались теперь мелкими и незначительными фигурами.

Она видела две с половиной тысячи кораблей своего народа, большая часть которых отдельными фрагментами лежали на пляже, будто обглоданные жертвы гигантского хищника. Она видела женщин и мужчин омехи, которые спешили из импровизированных укрытий в этих разобранных кораблях на поле боя. А вдали, за ними, она видела бескрайний океан, протянувшийся за горизонт.

Но на самом деле он не был бескрайним. Она сама пересекла его, вместе с оставшимися Избранными Богини. Она спасла свой народ от истребления, и она не позволит ему умереть в песках этой далекой земли. Жертвы ее народа, жертва Циори не станут напрасными, а местным дикарям следует раз и навсегда уяснить, что значит встать у нее на пути.

Слияние завершилось, и Тайфа ощутила прилив всей силы, всего гнева дракона. Она спешно сплела эти струйки сознания в канаты, которые будут крепко держать ее. Именно в этот момент дикари на берегу заметили дракона, и Тайфа, его глазами, увидела, как они повернули головы и стали показывать пальцами. Она видела их страх, чувствовала его запах и прикоснулась к драконьему гневу – это подпитало его, распалило и обратило жажду мести в неодолимое желание творить насилие.

Существо ринулось вниз и, с помощью своего дара извлекая из Исихого больше, чем способен человек, по спирали приближалось к пляжу. Дракон принимал энергию от Богини и, разжигая свою кровь, нес ее в этот мир. Зверь пылал, и когда жар стал опасным для него самого, он сбросил его, окутав берег пламенем.

Десятка два женщин и мужчин – жителей этой странной земли, которые надеялись защитить от нее свой берег, – вспыхнули в огне первой атаки Тайфы. Она слышала, как они кричат, в муках расставаясь со своими жизнями. Ее дракон, вдвое больше размерами, чем ее же боевой корабль, с чешуей тверже и острее бронзы, чернее дегтя, устремился вниз и схватил еще двоих дикарей. Массивными когтями он разорвал их на куски, а потом опустился на песок. Затем, развернувшись к орде врагов, дракон сновадохнул огнем.

Те, в кого пришелся удар, тотчас сгорели, и это было для них милостью. Женщин и мужчин, оказавшихся по краям огненного облака, обдало жаром так, что плоть их начала пузыриться и отслаиваться от костей. А те, кого огонь не убил сразу, – задыхались в испарениях едкой звериной крови.

Дочери и сыновья белых песков и увядших деревьев, прежде бесстрашные в бою, более не атаковали. Охваченные ужасом, они отступали, но огненная ярость настигала их и в бегстве.

Увещающие Тайфы, самые могучие из Одаренных, слились с двумя другими драконами, откликнувшимися на зов. Вместе они пылали яростью до того горячей, что Тайфа, находясь в своем теле лишь отчасти, чувствовала жар даже на корабле.

Дикари, которые не погибли и не были ранены, бежали, надеясь укрыться под сенью деревьев, но Тайфа направила своего дракона им вслед. Зверь поднялся выше, преследуя беглецов и сжигая густую листву, под которой скрывались враги. Жар огня обращал белый песок в черное стекло, и там, куда попадало пламя, не оставалось ничего, кроме пепла.

Пока дракон выжигал землю, Тайфа произносила молитвы. Она молилась Ананти, Богине, о двух вещах. Во-первых, о прощении. Молила, зная, что ни у кого из смертных не было столько молитв, чтобы заслужить это прощение, – особенно если учесть, что именно она собиралась сделать с народом этой земли. После мольбы о прощении она попросила сил, чтобы все здесь уничтожить, и воли, чтобы потом на это взглянуть.

– Моя королева, – услышала Тайфа голос КаЭйд сквозь гул слияния. – Они отступают. Мы победили.

Но Циори был мертв, и Тайфа намеревалась почтить его память погребальным костром из вражеских трупов. Она подстегнула дракона. Тайфа убивала снова и снова, пока не погибла большая часть ее Гекса, а на берегу не осталось никого живого.

Изнуренная, под покровом, скрывавшим угасающий свет ее души, королева Тайфа Оме-хия принесла в жертву еще одну Одаренную, отпустила дракона и вернулась к себе. Дотлевал разоренный пляж, и остатками звериных чувств она чужа запах смерти и обугленной плоти и вонь впитавшегося в песок страха.

Она посмотрела на небо, когда дракон устремился выше, в безоблачные сумерки, в сторону своего гнезда. Улетая, животное изрыгнуло извивающийся столб яркого, как солнце, пламени и издало скорбный крик, от которого Тайфе самой захотелось расплакаться. Но она не позволила себе пролить ни слезинки. В этот день они победили, и хотя впереди ждало много дел, на одну из ее молитв Богиня уже ответила. И у королевы было достаточно решимости, чтобы сделать то, что нужно.

Пройдя мимо тел Одаренных, которыми она пожертвовала, и не обращая внимания на испуганных членов Правящего Совета, Тайфа повернулась спиной к чужой земле, которой было суждено стать новым домом для ее народа. Она покинула палубу, спустилась по ступенькам, которые увели от света к темноте, и, оказавшись в одиночестве в обманчивом сумраке, положила руку на живот. У нее осталось так мало от Циори, но то, что осталось, – нужно было защитить.

– Пусть думают, что я чудовище, – решила королева Драконов. – Если это нужно, чтобы мы выжили, я буду чудовищем.

Глава первая

Наследник

Сто восемьдесят шесть циклов спустя

Тау споткнулся, пытаясь увернуться от удара Малого Вельможи. Затем попытался восстановить равновесие, но Джабари уже был рядом, и ему пришлось отскочить назад, чтобы избежать атаки соперника, который был выше его ростом.

– Ну же, Тау! Ты не можешь постоянно убегать! – кричал Арен из-за пределов боевого круга, и слова его было едва разобрать из-за грохота океана внизу.

Рабочая рука Тау онемела, и он уже не мог дожидаться, когда закончится тренировка.

– Я его заманиваю, – солгал он, когда Джабари вытеснил его к самым скалам. Еще шаг, и Тау вылетел бы из круга, проиграв поединок.

Чтобы удовлетворить Арена и доказать, что он кое-чему научился за этот сезон, Тау предпринял несмелую атаку, нацелившись на ногу Джабари, но тот отбил его меч и, совершив контрвыпад, ухватил Тау за запястье.

Тау вскрикнул и, уже вдоволь натерпевшись, готов был выйти из круга, когда Джабари, замахнувшись на него, прыгнул вперед. Тау отпрянул, надеясь избежать очередного удара, но зацепился каблуком за один из камней, отмечавших границу круга, и упал на землю.

Он лежал на спине, на краю обрыва, и шум океана показался ему таким громким, что у Тау застучали зубы. Он посмотрел вниз и задумался: если он скатится туда и упадет, будет ли он чувствовать боль более сильную, чем уже чувствует из-за мозолей на запястьях и ушибленных ребер? Вода внизу бурлила, словно закипая, и, разбиваясь о скалы, извергала пену. Тау знал: падение в Ревы сулит смерть.

– Вставай, Тау, – сказал Арен.

Тау поднялся на ноги, медленно и нехотя.

– Смотри, – произнес Джабари, указывая на воду.

Тогда Тау увидел. Там была лодка, которую, лежа на земле, не заметил.

– Они с ума сошли? – спросил Джабари.

– Что там? – спросил Арен.

Джабари снова указал пальцем.

– Лодка.

Арен Соларин, отец Тау, отвечавший за подготовку Малого Вельможи Джабари Онаи, подошел к краю обрыва. Трое мужчин наблюдали, как суденышко покачивается в бурлящей воде.

– Им повезет, если не утонут, – заметил Арен.

– Можешь разглядеть, кто это? – спросил Джабари у Тау. Все знали, что у Тау очень острое зрение.

– Похоже, не наши...

Арен тоже присмотрелся.

– Хедени?

– Может быть, – сказал Тау. – Я там никого не вижу. Лодка движется в сторону свалки...

Волны бросили судно о скалы, и оно разбилось вдребезги.

Джабари покачал головой.

– Как мы это сделали?

– Что сделали, нкosi? – спросил Арен, почтительно обращаясь к Малому Вельможе и по-прежнему вглядываясь в обломки судна.

– Переплыли его, – сказал Джабари. – Ни один корабль из тех, что мы строим сейчас, не способен отойти от берега и на пару сотен шагов. Как же мы тогда его весь переплыли?

– Нкosi, вам, пожалуй, лучше спросить об этом у своих наставников, – ответил Арен, все еще пытаясь разглядеть какие-нибудь детали, которые помогли бы понять, их это была лодка или вражеская. – Мое дело – это ваши навыки обращения с мечом. Давайте попробуем еще раз.

Джабари позабыл о лодке и, улынувшись, направился к противоположной стороне круга, широко размахивая оружием. Драться ему нравилось, и он не мог дождаться, когда при-мкнет к войскам.

Арен подошел к Тау, схватился за его португую и сделал вид, будто поправляет ее.

– Сейчас ты должен выложиться полностью, – сказал он так тихо, что Тау едва его слышал.

– Зачем? – спросил Тау. – Мне не победить. Я только оттяну поражение, и к концу дня спина будет сильнее болеть.

– Я не прошу тебя победить. Это не от одного тебя зависит, – сказал Арен. – Я прошу, чтобы ты сражался ради победы. Без этого ты заранее проигрываешь битву и признаешь, что заслуживаешь поражение.

Пока Тау потирал запястье, которое уже распухало, Арен, наконец, затянул ему португую и вышел из боевого круга.

– На изготовку! – скомандовал Арен.

Тау посмотрел на человека, с которым ему надлежало сразиться. Джабари был выше, сильнее, быстрее. Малый Вельможа таким родился, а Тау не видел смысла отдаваться полностью игре, которая, как он знал, была нечестной.

– Помните, вы оба, – сказал Арен, – атакуя, вы вынуждаете соперника обороняться.

Тау не слушал. Он заметил служанку Зури. Она как раз вышла на вершину холма, под ручку со служанкой Аньей, и заметила, что он пялится на ее покачивающиеся бедра. Разрез

платья, доходивший до колена, обнажал икры. Тау улыбнулся, и карие глаза Зури засияли, когда она вопросительно подняла на него бровь. Аня сжала руку Зури и хихикнула.

Арен поднял кулак.

– К бою!

Желая впечатлить Зури и вопреки собственной логике, Тау бросился на Джабари. Малый Вельможа несколько удивился такой агрессии, но принял вызов и сам атаковал – но ударил выше, чем нужно, гораздо выше.

Такой шанс выпадал редко, и Тау, поблагодарив Богиню за удачу, ринулся вперед и нанес удар такой силы, которым мог бы разрубить Джабари, бейся они на настоящих мечях, а не на тупых деревянных. Но удар не попал по цели. Джабари выманил его, ожидая безрассудного рывка, только чтобы увернуться и уйти из-под удара.

Рубанув по воздуху, Тау оступился. Он все еще пытался восстановить равновесие, когда Джабари ударил его мечом, выхваченным из-под мышки. От удара Тау еще сильнее пошатнулся, выпустил воздух из легких и завалился под хихиканье служанки Ани.

Пристыженный, потерпевший разгром Тау поднял глаза на Зури – та не смеялась, но все же прятала под ладонью улыбку. И, что еще хуже, число зрителей выросло: рядом с девушками стоял Высший Жнец.

– Нкоси, – обратился Жнец к Джабари, даже не взглянув на Тау. Этого Жнца, насколько помнил Тау, звали Берко. Он жил в горном селении под названием Даба, где выращивали картошку, крохотную и бесформенную. – Я пришел из крепости. Тебя ищет умбуси Онаи, как и твои отец и брат.

Джабари состроил гримасу. Он не был близок со своим старшим братом, и Тау понимал почему. Самодовольный и высокомерный Лекан служил лучшим доводом против обычая оставлять наследство первенцу.

– У меня тренировка, – ответил Джабари Жнецу.

– Есть вести из Пальма.

Это привлекло внимание Тау: новости оттуда поступали нечасто.

– Из столицы? – уточнил Джабари.

– Да, нкоси. Насчет королевы... Она... Она умерла.

Аня ахнула, Зури прикрыла рот, а Джабари выглядел ошеломленным. Тау повернулся к отцу, но спокойнее ему от этого не стало.

– И к-кто теперь возглавит Избранных? – спросил Джабари.

Берко, тонкий, как жердь, но с брюшком и седой клочковатой бородой, сделал шаг вперед.

– Принцесса Циора, вторая, будет теперь королевой.

– Значит, Пальму нужно согласовать со всеми ее возвышение, – догадался Джабари.

Тау слышал, что так делается, хотя с его рождения этого не происходило ни разу. Новая королева просит Малых, Великих и Придворных Вельмож признать ее правление. Это было формальностью. Династия Омехия правила еще до того, как наступила эпоха Стражей.

Джабари посмотрел на отца Тау.

– Простите, Арэн. Мне нужно идти.

– Конечно. Да укажет тебе путь Богиня, и да примет Она королеву Айяну в Ее славе.

Джабари направился к крепости, и Аня, отчаянно желавшая услышать последние сплетни, бросилась за ним вслед, таща Зури за собой. Тау не успел даже попрощаться.

– Она ведь еще ребенок, – проговорил Берко.

Арэн пристально посмотрел на него.

– Что?

– Внучка королевы Айяны. Она ведь ребенок.

– Принцесса Циора достигла совершеннолетия, – заметил отец Тау.

– Рак. – Берко смачно сплюнул на утоптаный грунт боевого круга. – Трудно поверить, что подобное может убить королевскую особу. Он отнял жизнь у матери первой принцессы Циоры, теперь и у ее бабушки. Линия сужается, и принцессе понадобится наследник, иначе Омехия придет конец.

– У нее же есть старший брат, принц Ксолани, – вмешался Тау, – и еще младшая сестра.

– Брат не в счет, а принцесса Эси... ненадежна, – ответил ему Берко. – Добавьте к этому все последние налеты, и получится, что сейчас не лучшее время, чтобы королевой становился ребенок. – Берко понизил голос. – И давайте не будем забывать, что у нас уже давно не было одаренных королев. – Тау пришлось немного наклониться, чтобы услышать конец фразы. – Даже немного странно, что Омехия больше не умеют сами призывать драконов, нэ? – Тау увидел, что его отец напрягся. Берко тоже это заметил. – Я просто говорю, вот и все, – сказал он, поворачиваясь к двум Батракам, которые ждали его под холмом возле телеги с продовольствием. – Один паек Низшего Мирянина и один полный для Арена.

– Я Высший Мирянин, – сказал Тау, раздраженный тем, что приходится его поправлять. Берко пожал плечами.

– Один паек Высшего Мирянина!

Батрак взял из тележки два мешка и попытался взбежать на горку. Тощему мужчине, чуть ли не в лохмотьях, не хватило сил, и в конце пути он заметно сбросил скорость. Тяжело дыша после короткой пробежки, он поставил мешки у ног Тау и стал ждать, не будет ли у Жнеца других указаний. Взгляд он впери в землю, и Тау не мог его за это винить. Батрака могли бы избить, если бы он случайно встретился взглядом с кем-то из вышестоящих, и Тау не был уверен, что этот бедолага пережил бы взбучку.

Кожа у Батрака была темная, почти как у самого Тау, а голову венчала копна курчавых волос. Им запрещалось брить головы, как это делали обычные мужчины, а из-за изможденного состояния Батрака Тау не мог определить, к какой из каст Меньших тот принадлежал прежде.

– Тау, – позвал отец.

Тау поднял мешки, сделав вид, будто изучает их содержимое, но, когда Высший Жнец отвернулся, положил пару картофелин у ног Батрака. Тот округлил глаза от неожиданной щедрости и трясущейся рукой схватил их, спрятав в складках своих лохмотьев.

– Иду, – сказал Тау отцу.

Вид у мужчины был измученный. Ему нужно было поесть. Как, впрочем, и самому Тау. Почти каждый день он посвящал тренировкам, а заниматься этим на голодный желудок было тяжело.

Джабари назвал бы его сердобольным. Сказал бы, что человек сам виноват в своей участи. Батраками становились только те Меньшие, которые не попали в действующую армию и не захотели становиться Ихагу.

Выживаемость среди Ихагу, низших, неквалифицированных бойцов, которых в каждой битве отправляли на передовые, была невелика. И все же считалось, что быть Батраком – участь хуже, чем почти верная смерть на службе в качестве Ихагу. Имея выбор, большинство предпочитало сражаться. Как-никак, среди воинов находились счастливчики, попадавшие в тыл, или те, которых приписывали к феодам или городам. Когда Тау проходил с их пайками мимо отца, тот положил руку ему на плечо.

– Правильно поступил, – прошептал Арен: от его внимания мало что ускользало. А потом, уже громче, добавил: – Отнеси еду домой. А мне нужно повидаться с умбуси. После этих новостей из Пальма нам нужно будет больше патрулей.

Тау кивнул и отправился, куда ему было велено. Сделав три шага, он услышал с подножья горы крик Нкиру, второго командира после его отца. Мускулистый воин бежал с целым отрядом феодалских Ихагу. Нкиру весь взмок от пота, ножны меча хлопали его по бедру. Это выглядело бы забавно, если бы не его выражение лица. Он был в ужасе.

– Налет! Налет! – вопил он, стараясь перекрыть рев океана. – Хедени напали!

Долг

Когда Нкиру добежал до них, Тау подошел поближе к отцу.

– Сигнальный дым, возле Дабы, – выпалил Нкиру, пытаясь отдышаться.

– Дабы? – переспросил Высший Жнец. – Дабы?

Нкиру не обратил на него внимания.

– В сообщении говорилось: «Хедени пересекают поля». Судя по всему, они высадились на берег и взобрались по скалам. Если они уже дошли до полей, значит, скоро будут в селении.

Тау подумал о разбившейся лодке. Это было вражеское судно. Он поразился глупости и отваге людей, решившихся выйти в Ревы. Скольких они потеряли в воде ради того, чтобы совершить налет?

– В сообщении ничего не говорилось о количестве прибывших? – спросил отец Тау.

– Нет, – ответил Нкиру. – Но если они добрались сюда...

– Высылайте людей. Всех высылайте, – взмолился Берко. – Нельзя, чтобы они добрались до Дабы.

Арен раздавал приказы собравшимся:

– Нкиру, Экон, возьмите всех, кто у вас есть, и отправляйтесь в горные казармы. И чтобы там никого не оставалось.

– Да! – воскликнул Берко в волнении. – Я тоже пойду. Мне нужно вернуться.

– Я отправлюсь в крепость, – сказал Арэн. – Соберу там людей и попрошу Одаренную прислать подкрепление. Нам нужно призвать военных. Это не просто налет. Если они сюда добрались, значит, это серьезно. Бойцов в горных казармах не хватит.

– Арэн... больше никого нет, – ответил Нкиру. – Лекан не позволит страже крепости уйти на защиту Дабы. Я только что от него, и он говорит, что отправлять всех слишком рискованно. Он обеспокоен тем, что хедени могут выслать налетчиков и сюда, в Керем.

Арен прикрыл глаза и медленно выдохнул.

– Лекан тут не прав, – сказал он. – Если хедени переплыли Ревы, чтобы сюда добраться, значит, они пришли напасть разом. Они не станут разделяться. Будут атаковать всеми силами. Они разрушат Дабу.

Он посмотрел с горы вниз, на крепость.

– Я поговорю с Леканом. Нам нужны Одаренные, чтобы призвать военных, и люди – столько, чтобы хватило защитить селение, пока не придут войска. Нам недостаточно помощи воинов из горных казарм. Нам нужна крепостная стража.

– Он не... – начал Нкиру, но осекся и стукнул костяшками пальцев по навершию меча. – Лекан уже призвал войско, но он приказал мне передать, чтобы ты возглавил оборону Дабы. Он говорит, что позаботится о крепости... Арэн, он не пойдет в Дабу и стражу тоже не отпустит.

Берко смотрел на мужчин, обсуждавших судьбу его родного дома.

– Что это значит? Что мы будем делать? – спросил он.

Арен поднял глаза к небу. День был безоблачный и беспощадно жаркий.

– Будем защищать Дабу, – сказал он. – Вот что.

Встревоженный Нкиру нахмурил лоб, но повернулся к своим и постарался принять решительный вид.

– Вы слышали инколели. Шевелитесь!

Бойцы, Берко и двое Батраков стали взбираться на гору по тропе Таала. Это был самый короткий путь в казармы и в Дабу.

– Иди домой, – велел Арэн Тау, кладя руку ему на плечо. – Увидимся, когда все закончится.

Он сжал Тау плечо, похлопал по нему и ушел. Тау стоял, наблюдая, как его отец уходит вслед за остальными, спеша к жителям Дабы, чтобы успеть к ним до того, как там окажутся хедени.

Он давно не видел отца таким обеспокоенным. Это значит, что Арен не рассчитывает удержать Дабу. Это значит, что они все погибнут.

– Нет, – сказал Тау. – Не из-за Лекана. Не из-за этого труса.

Он бросился к ближайшим кустам и спрятал там свой тренировочный меч и мешки с едой. Затем пристегнул заточенный бронзовый клинок, когда-то принадлежавший отцу его отца, и сжал рукоять. Нашупал на ней гравировку, сделанную его дедом: по всей рукоятке, от навершия к гарде, спиралью тянулась его фамилия – «Соларин».

Немного успокоившись, уже готовый к предстоящему, Тау бегом спустился с горы в направлении, противоположном тому, в каком ушел его отец. Он хотел отыскать Джабари. Лекан, может, и малодушен, но Джабари был человеком порядочным, как и положено Вельможе. Он бы помог. Попросил бы свою мать приказать, чтобы стражники отправились в Дабу, и тогда отца Тау не убьют.

Очень скоро впереди показалась крепость Онаи, самое большое строение в Кереме. Двух-этажная, с центральным двором, она была окружена саманной стеной высотой в десять шагов. Гладкий саман свидетельствовал о богатстве Онаи.

– Э-э, тебе чего, Тау? – спросил сверху дребезжащий голос.

Тау посмотрел на самый верх крепостной стены. Там стоял Очиенг, один из Ихагу, приписанных к страже. Очиенг всегда слыл упрямым болваном, он был на целый цикл старше Тау и уже достиг зрелости. Очиенг не прошел испытания, необходимые для вступления в действующую армию, и вернулся из южной столицы с низко опущенной головой и мрачными перспективами.

Ему повезло: отец Тау поручился за него, и, благодаря силе слова Арена, крепостные стражники согласились принять Очиенга в свои ряды. Почти все родные Очиенга либо погибли, либо стали Батраками, и, не заступись за него Арен, Очиенг пошел бы по их стопам. Поэтому Тау считал, что тот перед ним в долгу.

– Открывай ворота, Очиенг. Мне некогда.

– Некогда, говоришь? И куда ты так торопишься?

– Хедени напали, – сообщил Тау, надеясь, что новость побудит стражника к действию.

– Уже слышал. А ты тут при чем?

– Мне нужно увидеться с Джабари.

– А он знает, что ты здесь?

– А сам как думаешь? – сказал Тау.

– Понятия не имею, что у тебя на уме, – пробормотал Очиенг и исчез за стеной. Мгновение спустя Тау услышал, как на бронзовых воротах сдвинулся тяжелый засов.

– Скорей. Заходи.

– Спасибо, Очиенг.

– Я тебе ничего не открывал. Передавай Арену привет.

Оказавшись за воротами, Тау подошел к развилке крепостных дорожек и остановился. Джабари мог быть где угодно, и, беспокоясь, что сделал неверный выбор, Тау двинулся к его казармам.

Он быстро, опустив голову, чтобы не привлекать внимания служанок и урядчиков, прошел через дворики. Меньшие в крепости были в основном женщинами, а все мужчины принадлежали к касте выше, чем каста Тау. Поэтому он не хотел здесь выделяться, не хотел, чтобы его остановили или, что еще хуже, помешали ему увидеться с Джабари.

Он торопливо шел, глядя себе под ноги, лишь бы поскорее добраться куда надо, и чуть не врезался в спину сводной сестренке.

– Что, во имя Богини... Тау? – произнесле Джелани, не скрывая удивления. – Ты чего здесь делаешь?

– Привет, Джелани.

– Приветливей видали.

– Э-э... как мать?

– Это зависит от того, – ответила Джелани, глядя на Тау так, будто тот был червяком у нее в тарелке, – что именно я ей скажу о твоём визите.

– Я ищу... Джабари хотел меня видеть.

Джелани сощурила глаза.

– Джабари?

– Да, там в горах налет... хедени...

– Он в бане. Найди его и уходи, пока я своей маме не рассказала.

Нашей маме, подумал Тау, склонив голову и торопливо возвращаясь на дорожку. Он явственно ощущал на спине взгляд жукоподобных глаз Джелани. Она ненавидела саму мысль о том, что у нее был полунизший брат. Вот кем она его считала – полунизшим.

Тау хотелось крикнуть, что он самый что ни на есть Высший Мирянин. Статус переходил от женщины, которая дала человеку жизнь, и его фамилия была Тафари, как и у Джелани. Но никакого смысла кричать не было. Джелани знала: их мать не желала иметь ничего общего ни с ним, ни с Ареном.

Гоня сестру прочь из головы, Тау подошел к бане, открыл дверь, и его обдало горячим ароматным паром.

– Джабари? – позвал он, не видя ничего из-за завесы пара. Пройти дальше Тау не отваживался. – Джабари?

– Тау? Ты, что ли? – произнес знакомый голос. – С чем пожаловал?

Убедить Джабари помочь он мог либо сейчас, либо никогда.

– Приближается битва, – сказал Тау, – и если мы ничего не предпримем, погибнут люди, которых твоя семья обязалась защищать.

Тау услышал плеск воды, из облака пара появился совершенно голый Джабари и навис над ним.

– Что это значит?

Лекан не рассказал ему о налете. Тау исправил это, выложив все, что знал, а потом взмолился, чтобы Джабари начал действовать.

– Иди к своей матери, – сказал он. – Она умбуси. Скажи ей, что Даба падет, если туда не выслать людей.

– Тау, я второй сын. Только Лекан распоряжается людьми феода. Она не пойдет против него лишь по моей просьбе.

– Джабари...

– Она не слушает, Тау.

– Мы должны что-то сделать! – воскликнул Тау, стараясь, чтобы его голос не прозвучал неуважительно.

– Знаю, знаю. Скоро битва, и моя семья должна защитить народ Керема. – Джабари хлопнул ладонью Тау по груди. – У меня кое-что есть.

– Что есть?

– План, – ответил Джабари.

Налет

– Вон там, – сказал Тау, указав на мерцающий вдали огонек. – Видишь? – Огонек ярко горел в вечерней темноте, но Тау не знал, как далеко мог видеть Джабари.

– Вижу, – ответил Джабари. – Они сжигают Дабу.

Он ускорил шаг, и Тау, который еще не отдышался после пробежки, приходилось прилагать усилия, чтобы не отставать от друга.

Тау не верилось, что он согласился с планом Джабари, и он старался не думать о том, что они увидят, когда доберутся до селения.

– А что, если не сработает? – спросил Тау. – Что, если они не придут?

– Придут.

Прежде чем покинуть крепость, Джабари зашел в казарму и сказал всем, что отправляется защищать Дабу. Самый высокопоставленный стражник из присутствовавших попытался его образумить, но Джабари был непреклонен.

Это было хитро. Джабари не мог отменить приказ Лекана, но стражники были обязаны оберегать каждого члена семьи Онаи – заслушание им грозила смерть. Дав им знать, что подвергает себя опасности, Джабари вынудил стражу выделить ему караул. Тау надеялся, что это сработает.

– Мечи к бою! – скомандовал Джабари, когда они поднялись на холм. Тау вынул оружие, посмотрел вниз на селение и застыл на месте.

Даба располагалась на плато с естественными границами. Самая четкая из этих границ достигала в высоту четырехсот шагов. Там плато снова становилось горным, и скала поднималась к облакам. Справа от Тау, шагах в восьмистах, лежал центральный круг селения. За кругом плато заканчивалось рядом крутых утесов, спускавшихся ко дну долины. Слева от Тау были налетчики.

Хедени прибыли по тропам, которые проходили через посевные поля, и половина селения уже была сожжена. Соломенные крыши больших домов были охвачены огнем, и в ночной темноте пламя освещало силуэты женщин, мужчин и детей, живших в Дабе.

Ихагу, воины Арена, сражались поодиночке между тесно ютящимися домами и амбарами. Они были в меньшинстве, теряли позиции и ничего не могли с этим поделать. Хедени вытесняли их к утесам.

Тау не ожидал такого. Все в шрамах, обезображенные, отмеченные проклятием Богини, хедени были вооружены костяными копьями или бронзовыми топорами с костяными рукоятками и рубили Избранных, точно дровосеки. Они не придерживались боевой тактики, не соблюдали порядка, их атаки не подчинялись единому ритму. Но хуже всего то, что Ихагу были вынуждены сражаться с ответной жестокостью. Те и другие буквально кромсали друг друга, и каждые несколько мгновений кто-то падал – мертвый, раненый или изувеченный.

– Что это? – спросил Тау, но слишком тихо, чтобы Джабари его услышал.

– Туда! – крикнул Джабари и, даже не взглянув, следует ли за ним Тау, поспешил вниз.

Тау посмотрел в том направлении, куда отправился Джабари, и увидел, как трое налетчиков нападают на женщину с ребенком. Джабари закричал и побежал быстрее – Тау кинулся за ним.

Когда он достиг жилищ, Джабари уже бился с двумя хедени. Те кружили вокруг него, пытаясь прорваться к женщине с ребенком.

Тау пошел на третью – дикарку. Взмахнул мечом с намерением ее обезглавить, но негодяйка выставила топор, парировав удар. Затем налетчица – у нее была копна сальных волос и покрытая засохшей грязью кожа – сделала выпад вперед, низко вывернув оружие, целясь Тау в бедро.

Страх придавал Тау скорости, он быстро отскочил назад, когда лезвие топора просвистело у его колена – на волосок от ноги. Распаленный, отчаянно стремясь переломить ход поединка в свою пользу, Тау пошел в атаку. Он выставил клинок, целясь в сердце и, как его учили, не сводя глаз с соперницы, готовый к ответу, если хедени увернется.

Но когда его меч вонзился в плоть, Тау это удивило. Клинок вошел по самую рукоять, точно в грудь дикарки. Она даже не двинулась с места, чтобы избежать удара.

Тау не мог этого понять. Ведь выпад был очевиден, а удар не был смертельным. Всякий, кто имел хоть какую-то подготовку, легко бы от него уклонился.

Он посмотрел в лицо своей жертве. Большие, широко раскрытые глаза женщины словно глядели куда-то вдаль. Полные губы сложились буквой «О», а на покрытое шрамами лицо упали отталкивающие своей засаленностью волосы.

Тау в отвращении отпрянул, но клинок застрял в теле дикарки. Женщина – или девочка, он не мог понять, – вскрикнула, когда бронза резанула по ее внутренностям.

Она протянула к Тау руку, словно хотела прижать его к себе, надеясь остановить причиняющее движение клинка, и ее окровавленные пальцы коснулись его лица. Она попыталась что-то сказать, на губах выступили капельки слюны, но жизнь покидала ее. Она испустила вздох, и под весом обмякшего тела дикарки Тау повалился на землю.

– Тау! – Голос Джабари донесся откуда-то издалека. – Ты ранен?

– Нет... Я... я ее ранил, кажется, – услышал Тау свой ответ.

– Вставай. Сейчас еще придут. Нам нужно пробраться к нашим, – сказал Джабари. – Это твоя кровь?

– Кровь?

– У тебя на лице.

Джабари и женщина с ребенком смотрели на него. Двое хедени, с которыми сражался Малый Вельможа, лежали мертвые.

– Нет, – проговорил Тау. – Не моя.

– Нужно идти, – сказал Джабари.

Тау кивнул, попытался вытащить лезвие из тела женщины-хедени, но, сделав шаг, согнулся пополам в рвотном позыве. Наружу ничего не вышло. Его вывернуло еще раз – и когда он заставил себя снова выпрямиться, желудок так и не успокоился. Ребенок смотрел на него во все глаза. Он вытер рот тыльной стороной ладони, забрызганной кровью.

– Все хорошо, – сказал он. – Я в порядке.

Джабари посмотрел на Тау и двинулся с места.

– Нужно идти.

Тау пошел следом, оглянувшись лишь раз. Женщина, с которой он сражался, лежала на земле, будто сломанная кукла. Он еще никого не убивал. Его всего трясло. Он еще...

– Сюда, – сказал Джабари, когда они вчетвером начали петлять между хижин и строений, старательно избегая мест боев, разгоравшихся вокруг.

Джабари направлялся к баррикадам, которые Ихагу выставили на краю центрального круга селения. Они соорудили их из перевернутых тачек, столов и даже выломанных дверей – в ход шло все, чтобы перекрыть пути, ведущие к кругу. Пока баррикады помогали, но долго они не продержатся. Хедени было слишком много.

– Сюда! – Джабари подтолкнул женщину, и та, взяв ребенка на руки, юркнула в открытую дверь хижины. Он вбежал за ней – и Тау следом.

Хижина была гораздо больше той, в которой Тау жил с отцом. Похоже, она принадлежала Высшему Жнецу. А может, даже Берко, подумал Тау, но в этот момент в проеме показался воин-хедени.

С топором наготове, он бросился к Джабари. Тау он не заметил, и юноша нанес удар, вонзив меч хедени в предплечье. Вскрикнув от боли, налетчик пошатнулся, оперся о ближайшую стену, и Джабари воткнул клинок ему в живот.

Следом в дверях появилась женщина-хедени с копьем. Тау знал, что у хедени женщины сражались наравне с мужчинами. Знал как свои пять пальцев, но все равно, увидев уже вторую женщину-воина, замешкался.

Нужно было атаковать. Но он стоял на месте. Она выбросила вперед копье и попала бы ему в горло, если бы не Джабари, который выбил оружие у нее из рук.

Хедени выхватила кинжал. Тау по-прежнему стоял как вкопанный, заметив только, что женщина сражается без брони. Накидка землистого цвета прикрывала ей грудь и обвивала спину, заправленная в широкие развевающиеся штаны. На ногах сандалии, на руках браслеты – золото зазвенело на тонких запястьях, когда она замахнулась кинжалом, целясь в Джабари.

Джабари отскочил. Она сделала шаг вперед, и Тау увидел, что у него появился шанс. Теперь он был у нее за спиной. Он просто должен был ее убить.

Чувствуя, как подгибаются колени, Тау шагнул вперед и со всей силы взмахнул мечом, обрушив клинок плоской стороной ей на висок, так что она повалилась на пол. Джабари бросился к ней. Он выбил кинжал у хедени из руки и прижал меч к ее шее.

– Говоришь по-эмпирийски? – рявкнул Джабари. – Сколько причалило ваших кораблей? Сколько вас, налетчиков? – У кончика лезвия на ее шее выступила капля крови. – Говори или умрешь!

Она хоть и смотрела испуганно, но плюнула Джабари в лицо, закрыла глаза и забилась в судорогах. Джабари отпрянул, когда ее кожа, и без того вся в шрамах из-за проклятия Богини, начала пузыриться и вспучиваться. Из носа, ушей, рта и глаз хедени хлынула кровь, она закричала, громко и протяжно. А затем жизнь, словно задутая свеча, в ней угасла, сошла на нет.

Меньшая сдавленно всхлипнула и отвернулась, крепче прижав к себе ребенка. Ребенок плакал. Джабари оставался невозмутим как камень и лишь смотрел на мертвую дикарку, широко распахнув глаза.

Приоткрыв рот и сдвинув брови, он повернулся к Тау.

– Демонова смерть, – сказал он. – Твой отец рассказывал, что они так умеют, если их поймать. Я раньше не верил.

Тау не знал, что на это ответить.

Джабари поднялся на ноги, вытер с лица слювок и, держась за стену, побрел прочь. Тау и женщина с ребенком двинулись следом. Джабари выбил окно с закрытыми ставнями на задней стороне строения, и все вылезли через него, очутившись в середине круга тесно прижавшихся друг к другу домов.

Прямо перед ними был вход в длинный амбар, а до баррикад Ихагу оставалась еще сотня шагов. Джабари дернул ручку двери в амбар. Они могли пройти через него незамеченными. Если повезет, они выйдут почти рядом с баррикадами, где собрались жители селения. Джабари взломал замок, и они вошли.

Амбар был большой, но внутри оказалось очень тесно, почти все место занимали полупустые полки. Это было плохим признаком. Приближалась Жатва, и, судя по состоянию склада, омехи будет непросто прокормить своих людей.

В амбаре Тау стало трудно дышать.

– Что такое? – спросил Джабари.

Тау ничего не мог с собой поделать – он задыхался и чувствовал головокружение.

– Тут слишком тесно, – сказал он, глядя на полки и стены.

– Что?

Тау зажмурился, но это не помогло – он продолжал задыхаться. Он остановился, не в силах идти дальше. В этот момент чья-то прохладная рука коснулась его.

– Осталось всего несколько шагов, – сказала Меньшая. – Не открывай глаза, я тебя поведу.

Тау кивнул и поплелся за ней.

– Готовы? – спросил Джабари.

Тау, еще не придя в себя, открыл один глаз. Они прошли через склад и уже стояли у выхода.

– Скорей, – сказал он, желая как можно скорее выбраться наружу.

– Даст Богиня, мы сможем прорваться к баррикадам, – проговорил Джабари. – Там мы будем в безопасности.

Но Тау сомневался, что где-либо в Дабе можно чувствовать себя в безопасности. Он ведь видел, сколько там хедени.

– Готовы? – еще раз спросил Джабари.

Женщина, широко распахнув глаза, кивнула.

– Идем! – крикнул Джабари, вышибая ногой дверь.

Тау, желая поскорее покинуть амбар, вырвался наружу и врезался в опешившую хедени. Этим он сбил дикарку с ног, и Джабари заколол упавшую. Рядом было еще четыре или пять налетчиков, но они все сражались с Ихагу. Джабари вступил в бой, и Тау, все еще потрясенный, схватил Меньшую за руку, оттаскивая ее прочь.

Баррикады находились впереди, и Тау направился в их сторону. Женщина, неся ребенка на руках, отставала, и ему уже казалось, что налетчики вот-вот их настигнут. Стиснув зубы, он сжал руку женщины и сильнее потянул ее за собой. Люди за баррикадами увидели, что они приближаются. Тау показалось, что он узнал одного из них, но он не был уверен: на лице мужчины запеклась кровь.

Когда они достигли баррикад, мужчина сдвинул штабель перевернутых стульев, чтобы Тау и его подопечные смогли перебраться через баррикаду.

– Теперь ты! – крикнул Тау, испачканный кровью, Ихагу, когда женщина с ребенком оказались за шаткой преградой.

– Тендаджи? – окликнул Тау.

– Тау? – узнал его Тендаджи. – Ты что тут делаешь? Ладно уже, забирайся!

– Не могу. Джабари еще там.

– Джабари тоже здесь? – Новость явно потрясла Тендаджи.

Тау кивнул и, чувствуя, как от страха сжимается нутро, заставил себя развернуться и кинуться обратно – туда, где шло сражение. Далеко бежать не пришлось: Джабари с воинами уже приближались к нему.

У Джабари по рукаву гамбезона стекала кровь, другие бойцы несли раненого товарища.

– Я в порядке, – сказал Джабари, отмахиваясь от обеспокоенного Тау. – Надо его перенести через баррикаду.

Тау подскочил, чтобы помог нести раненого Ихагу.

– Джабари? – произнес Тендаджи, раскрыв рот от удивления. Хоть Тау и предупредил его, встретить одного из наследников феода в самом пекле боя все равно было слишком необычно.

Тендаджи помог сначала поднять раненого, потом взобраться Тау и Джабари. Как только последний воин оказался за баррикадой, заграждение сдвинули обратно, закрыв проход.

За баррикадой Тау надеялся почувствовать себя в безопасности. Но этого не случилось. Большинство Ихагу были ранены; сражавшихся одолевал враг, а жители селения и вовсе были в ужасе.

Выглянув за баррикаду, Тау увидел, что хедени перегруппировали силы и, наверное, еще сотня их спускалась по тропинкам и выходила на плато. Тау посмотрел на Джабари – обычно заряженный оптимизмом второй сын теперь выглядел озабоченным. Эта битва не из тех, что

можно выиграть. Даже караул Джабари – если он доберется до Дабы раньше, чем все здесь погибнут, – сумеет лишь отсрочить неизбежное.

– Отойдите, нкости, – предостерег Тендаджи, на этот раз использовав почтительное обращение. – Они идут.

– Пусть идут, – ответил Джабари, делая шаг к баррикаде.

Тендаджи посмотрел на него так, будто собирался сказать что-то еще. Но вместо этого лишь подвинулся, пропуская Джабари.

Тау встал по другую сторону от Джабари.

– За королеву, – проговорил он с неуверенностью, которая все нарастала.

– За Богиню, – отозвались хором Джабари и Тендаджи.

Все трое подняли оружие. Баррикадам не выдержать, а им самим не устоять против такого числа наступавших хедени, но они, по крайней мере, могут оставить о себе славную память.

Стражники

Когда первая волна хедени достигла баррикад, наступило настоящее безумие. Тау махал мечом направо-налево и рубил головы и конечности. Он отсек кому-то пальцы, надеясь, что это была рука кого-то из врагов; потом один из налетчиков едва не снял с него скальп; затем ему удалось оттолкнуть дикарку, прежде чем та успела перелезть через баррикады.

Но все было напрасно. Врагов оказалось слишком много. Их всегда было слишком много. Вот почему Богиня наделила Избранных дарами. Вот почему она дала им драконов.

В сотне шагов перед баррикадами вспыхнул огонь, опалив Тау брови. Он отпрянул от жара, бросившись на землю, а как только к нему вернулось зрение – увидел, что Джабари и Тендаджи тоже лежат на земле. Тау попытался заговорить. Во рту у него все пересохло.

– Стража! – прокричал хриплый голос откуда-то издалека. – Стража!

Чувствуя, как все плывет перед глазами, Тау посмотрел вверх и увидел дракона – впервые в жизни так близко. Настоящий исполин, являвший собой массу истинно черных чешуек, которые поглощают свет и вызывают обман зрения, он всем своим телом прорезал воздух. Тау наблюдал, как он летит навстречу хедени, волоча за собой извилистый хвост, которым он рассеивал дым пожаров в зыбкие клочья.

Оказавшись достаточно близко, черный зверь распахнул пасть и осветил вечер извивающимся столбом яркого, как солнце, пламени, толщиной с трех человек. Тау неуверенно поднялся на ноги и вскарабкался на баррикаду, чтобы увидеть, как по земле хлестнет выпущенная драконом огненная цепь. Хедени, которых она задела, превратились в пар, и дракон отлетел от плато Дабы, а затем пошел на следующий круг.

– Тау? – произнес голос, который он узнал бы где угодно.

– Отец, – сказал он, поворачиваясь к Арену.

– Зачем, Тау? – спросил его отец. – Зачем?

Тау открыл и закрыл рот, не произнеся ни слова.

– Я услышал про налет, нашел его и попросил меня сопроводить, – солгал Джабари. – Это мой долг как сына умбуси – сражаться рядом с воинами моей матери. Я знаю, что я еще не Индлову, но это мое селение, и я не мог идти один.

Арен внимательно посмотрел на Джабари и крикнул тем, кто находился поблизости:

– Укрепить баррикады! От Стражи не будет толку, если хедени смешаются с нашими людьми. – Все, кто стоял без дела, бросились выполнять его приказ.

– Джабари, я инколели воинов твоей матери, и мне решать, где тебе быть. Придя сюда, ты подверг свою жизнь риску.

Джабари был вынужден ответить кивком, принимая самый строгий выговор, какой только мог объявить ему Арен. Тау стоял, потупив взгляд. Сказанное относилось и к нему.

– Прошу, Арен, примите мои извинения, – проговорил Джабари. – Я делал лишь то, что, как мне кажется, обязан был делать. – Он поднял голову и слегка выпрямился. – Я заходил в казарму. Стража знает, что я здесь. Они пришлют людей.

– Безрассудно, но хитро, – проворчал Арен. – Спасибо тебе от меня и от моих людей. А сейчас держись подальше от сражения. – И, отходя, чтобы отдать приказы своим воинам, он бросил на ходу: – У меня сердце не выдержит, если придется сказать твоей матери, что ты погиб. – Это также относилось к Тау.

– Ихагу! – крикнул Арен. – Всем построиться и помочь жителям вынести из домов все, что можно. – Воины зашевелились. – Если у Одаренных были причины призвать Стражу, значит, мы должны бежать.

– Бежать? – переспросил у Тау Джабари.

Вместо Тау ему ответил рев сотен чужеземных голосов, и они приподнялись над баррикадой как раз вовремя, чтобы увидеть всю мощь налетчиков хедени, ринувшихся в их сторону.

– Богиня... – произнес Тендаджи, и его голос прозвучал не громче шепота на фоне завывающего шума, что летел им навстречу.

– Прочь от баррикады, – приказал отец Тау. – Бегите. Живо!

Джабари слез с баррикады первым, Тендаджи и Тау – сразу за ним. Местные, которым не требовались распоряжения от Ихагу, побросали все и всех, кроме своих родных, и тоже кинулись бежать.

– Нас оттесняют! – крикнул Джабари. – Когда плато закончится, мы упадем с обрыва. Там нет никаких троп.

Налет был тщательно спланирован. Первая атака была мощной, но не в полную силу. Ихагу и местные жители поверили, что сумеют удержать Дабу, и сами позволили загнать себя к утесам. Тогда хедени атаковали во всю мощь и тем самым оправдали самый большой страх отца Тау. Это был не налет – это было истребление.

Стражники все же изменили ход сражения. Они бы проредили ряды хедени, но, как заметил Арен, если дикари смешаются с Избранными, то дракон должен будет либо сдерживать огонь, либо сжигать тех, кого прилетел спасать. Поняв это, Тау уже знал, что случится дальше.

– Ихагу! – крикнул его отец. – Построиться в боевой порядок.

Это был единственное разумное решение. Ихагу останутся сражаться. Они и задержат хедени, чтобы у местных появился шанс скрыться.

Тау остановился и посмотрел на ужасающую массу вражеской плоти, с ее заточенной бронзой и костью. Тендаджи был рядом, его присутствие удивительно успокаивало. К ним подбежал и отец.

– Джабари, Тау, – сказал он, – мне нужно, чтобы вы сопровождали жителей при спуске с гор. Отведите их туда, где безопасно.

– Вы просите слишком многого, Арен, – ответил Джабари. – Я ничем им там не помогу, и вы не можете уберечь меня от моей участи. Я останусь с теми, кто сражается здесь.

На лице Арена отразились противоречивые чувства. Тау видел, как в нем борются гордость и страх. Он хотел их спасти.

– Мы покажем им, что такое быть Избранными, отец, – сказал Тау, чувствуя, как у него дрожат руки.

– Так тому и быть, – ответил Арен, заглянув Тау прямо в глаза, а потом повернулся, чтобы отдать приказ остальным: – Сомкнуть ряды. Держаться вместе. Помните, те, кто слева от вас, и те, кто справа, – это ваши братья по оружию. Не давайте их в обиду, и они сделают то же самое для вас.

Арен остановился, выжидая нужный момент. И он вскоре наступил.

– За Богиню! – возвестил он.

– За Богиню! – крикнули в ответ воины, когда на них обрушились первые ряды хедени.

Воины

Битва была кошмарным месивом из бронзы и крови. Оружие мелькало у Тау перед глазами; он сражался яростно, кричал, хрипел, потом получил неглубокий, но болезненный порез ноги и был оттянут назад Нкиру, вторым командиром после его отца. Тау попытался его поблагодарить, но старший воин сразу вернулся в бой, рубя мечом хедени.

Заметив отца и Джабари, Тау, действовавший теперь медленно из-за раненой ноги, двинулся обратно на передовую. Поначалу рядом с ним бился Тендаджи, но вскоре ожесточенная схватка их разлучила.

Боясь оказаться отброшенным от Ихагу, Тау попытался подобраться к отцу, но поскользнулся. Упав, он едва не был раздавлен женщинами и мужчинами, которые пытались перебить друг друга. Привстав на одно колено, он услышал, как мимо уха просвистело копье. Тау махнул мечом, вслепую целясь в того, кто это копье держал. И хотя он не попал, меч прошел достаточно близко, чтобы воин, ругнувшись, убрался обратно в гуцу хедени.

Тау поднялся и посмотрел под ноги. На земле лежал Тендаджи с разбитой головой. У Тау скрутило живот, он отшатнулся от тела, врезавшись в одного из людей Арена, который резким движением полоснул его по руке.

Порез был не сильный, но в предплечье все же вспыхнула боль. Тау втянул ртом воздух и задышал учащенно, но это никак не помогло. Зрение тоже словно пропадало – он видел только черные и красные пятна.

В панике, ощущая боль и боясь, что ослепнет, он отошел подальше от гуцы сражения. Тау уже готов был бежать, спуститься с горы вместе с жителями, но в этот момент один из хедени нацелился на Ихагу, что находился рядом.

Ихагу боролся с другим налетчиком, вооруженным топором, и не заметил копья, направленного ему в спину. Он бы погиб, даже не поняв этого. Тау хотел крикнуть, предупредить его, но ничего не вышло. У него пропал голос.

Он налетел на дикаря с копьем, и они вместе повалились на землю и стали бороться, сжав челюсти и издавая рев. Затем поверх плеча Тау промелькнуло лезвие меча – и вонзилось хедени в щеку, разрубив его лицо надвое. Хедени забулькал кровью, попытался ухватиться за Тау и обмяк. В следующий миг Арен протянул руку и помог Тау подняться на ноги.

– Назад, – сказал ему отец, волоча меч острием по земле. – Атака стихает.

Тау, весь в крови и грязи, оглянулся в поисках воина, которого пытался спасти. И увидел его неподалеку – тот лежал мертвый. Тау устался на тело. Все показалось лишенным смысла. Ведь еще минуту назад он был жив.

– Ихаше и Индлову уже здесь, – сообщил ему отец. – Слава Богине.

Тау посмотрел на бушующий вокруг него бой и там, среди дикарей, увидел их – всю мощь войска Избранных.

С хедени бились Ихаше, элитные воины, набранные из каст Меньших, и Индлову, более крупные и мощные воины из каст Знати. Все они сражались яростно, но на самом острие контратаки у Избранных был настоящий великан. На нем были кожаные доспехи с бронзовыми пластинами, выкрашенные в красный и черный цвета. В одной руке он держал щит, в другой – сверкающий бронзовый меч. Это был Разъяренный Ингоньяма.

Ингоньяма был примерно вдвое выше Тау, его руки бугрились мускулами, и он двигался быстрее, чем казалось возможным для человека таких размеров. Он сражался, как бог.

– Держать строй! – приказал Ихагу отец Тау. – Войска прибыли!

Пока Арен это говорил, Ингоньяма прорезал себе путь сквозь целый ряд хедени – он взмахнул мечом с такой силой, что одним ударом сразил двоих человек. Тут же на него напали

еще трое – он оттолкнул первого мечом, второго ударил в грудь ногой, а третьему расколол череп рукоятью меча, словно то был гнилой орех.

– Все к Одаренным! Шевелитесь! – крикнул отец Тау, и Ихагу начали поспешно отступать к женщинам в черных одеждах, стоявших группой возле утесов.

– Он невероятный, – проговорил Джабари, указывая на Ингоньяму. – Невероятный.

Детьми они играли в Ингоньям, и Тау не забыл, как расстроился Джабари, когда Лекан, застав их за этим занятием, посмеялся над младшим братом, открыв ему правду. Кровь Джабари, как у всех Малых Вельмож и у всех низших каст, была слишком слаба, чтобы можно было стать Разъяренным.

– Быстрой! – скомандовал Арэн, дергая Тау за гамбезон.

Они уже были так близко к Одаренным, что Тау мог их смутно различить. Их было восемь, они стояли в кольце воинов в традиционных угольно-черных развевающихся одеждах. Все Одаренные были в капюшонах, а на их золотых ожерельях отражались мерцающие в селении огни.

Оказавшись в относительной безопасности, люди Арена поддались усталости. Кто-то упал на колени, а один щуплый Ихагу уселся на землю и уставился в пространство отсутствующим взглядом. Воин рядом с ним по-прежнему держал меч прямо перед собой, словно ожидая, что товарищи внезапно обернутся против него.

Тау оглянулся в поисках Ингоньямы. Тот стоял все там же – на руинах Дабы, и уничтожал все, что появлялось перед ним. Его Индлову были рядом и, будто кружась в танце, сеяли вокруг смерть. Вместе это были самые могучие воины Избранных.

Тау посмотрел на Джабари – тот нашел где-то воду и жадно пил, проливая на грудь. Было трудно поверить, что от того, чтобы стать полнокровным Индлову, этого оптимистичного юного Вельмону отделяли только испытание и время. Испытание Джабари предстояло уже скоро, и если он его пройдет, то посвятит свою жизнь цитадели и после трех лет обучения отправится на войну как один из них.

Отец Тау желал ему равносильного пути, доступного Меньшим. Он хотел, чтобы Тау прошел испытание на Ихаше, обучился в ближайшей из двух боевых школ для Меньших и стал служить в армии, в точности как сам Арэн. Служба вознесла Арена так высоко, как только мог мечтать Низший Мирянин, – он возглавил Ихагу своего феода.

До того, как родился Тау, его отец обучился на Ихаше, сражался как один из них и отслужил шесть обязательных военных циклов. Как раз на последнем цикле службы он встретил и полюбил Имани Тафари, красивую и своенравную Высшую Мирянку. Он стал за ней ухаживать, а когда его служба подошла к концу, они сбежали в Керем, чтобы избежать гнева ее отца, который осудил бы выбор дочери.

В Кереме оценили то, что Арэн служил в Ихаше, и его назначили вторым командиром Ихагу, служивших умбуси Онаи. Его жена добила большего – она заняла высокое положение в крепости.

Вскоре после этого родился Тау, но уже в первые циклы его жизни Имани надоела жизнь Мирянки. И она ушла от Арена. Бросив и Тау.

Потеряв любимую женщину, Арэн посвятил себя двум целям – воспитанию Тау и стремлению стать лучшим воином в феоде. Со временем он встал во главе Ихагу, а когда подрос Джабари, умбуси попросила Арена его обучить.

После того, как Лекан, ее первенец, провалил испытание, она не могла позволить себе нанять для Джабари тренера из числа Индлову. А отец Тау, пусть и значительно уступал Индлову, был лучшим из воинов. Арэн принял предложение не раздумывая. Обучение Джабари позволило ему проводить время и с Тау.

Тау знал, что это было лучшее, что Арен мог ему дать, чтобы поставить на путь к светлому будущему, но сейчас, в горящем селении, окруженном мертвыми и умирающими, ему с трудом верилось, что на этом жестоком пути, который заготовил ему отец, было хоть что-то светлое.

Зури цокнула бы языком, закатила бы глаза. С тех пор как она стала Служанкой, у нее становилось все меньше времени и еще меньше терпения, чтобы выносить приступы жалости к себе, что случались у Тау. И все же, закатив глаза, она бы улыбнулась, и все сразу стало бы хорошо. С ней всегда становилось хорошо, думал он, когда над плато раздался звук горна, вырвав его из плена воспоминаний и возвратив в кошмар Дабы.

На дальнем краю селения в горн протрубил хедени. Он дал еще три коротких сигнала и один подлиннее – Тау молился, чтобы это была команда отступить. Но похоже, что-то было не так. А именно – человек, стоявший за горнистом.

– Что это? – спросил Джабари, и Тау вздрогнул. Он не слышал, как тот подошел.

– Там, за тем, который с горном, – сказал Тау. – Мне кажется, это их инколели.

– И на кого похож?

– Он высокий, почти как Малый Вельможа, крепкий. Одежды больше, чем они носят обычно, и у него костяное копье. Он... он обожжен, не просто проклят. Похоже, выжил в пожаре. У него половина лица изуродована.

– Они не уходят.

Джабари был прав. Они не уходили. Они поступали совершенно наоборот.

Хедени, заслышав горн, сгрудились, но не стали бросаться ни на баррикады, ни на войска, что им противостояли. Все как один, они напали на Разъяренного Ингоньяму, не обращая внимания на прочих воинов рядом с ним.

– Останови их, Амара! – сказала ближайшая к Тау Одаренная другой женщине в черном одеянии.

Та, которую звали Амарой, подняла руки, целясь мимо Тау в атакующих хедени.

– Они слишком далеко. Не долетит, – сказала она.

– Давай, чтоб тебя! – крикнула первая Одаренная, и Амара подчинилась.

Из ее пальцев поплыла энергия, словно пульсирующие волны тепла, которые становились гуще, удаляясь. Ослабление, подумал Тау с любопытством, а в следующий миг энергия задела его, и мир исчез.

Победа

Однажды, совсем юным, Тау спускался по утесам Керема на пляж. Он был с другими мальчишками, и один из них сказал ему войти по пояс в океан. Он отказался, и его называли трусом.

Тогда Тау вошел в воду на четыре шага, и вода окутала его колени, сбив его с ног.

Его затянуло под воду, и океан принялся яростно его избивать. Выжил он только потому, что был отлив и возле берега было неглубоко. Остальные мальчишки взялись за руки, чтобы до него дотянуться, и вытащили из бурлящих волн.

Получив удар от Одаренной, он почувствовал себя так, словно тонет в океане. Будто тело Тау разбилось на куски, и весь мир обернулся вокруг него, вращаясь. Когда же вращение прекратилось, стало еще хуже.

Тау увидел Дабу, но все было по-другому. Цвета стерлись – селение, земля и небо были множеством разных оттенков серого. Тау хлестал неестественный ветер, завывая, заглушая прочие звуки, а все, что находилось дальше чем в двадцати шагах, скрывал непроницаемый туман.

Тау видел, судя по всему, других людей, которые стояли рядом, но то, что он видел, словно не имело смысла. Люди, во всех возможных степенях отчаяния, светились золотом. Тау посмотрел на себя. Он тоже светился, и его свечение привлекло что-то из мглы.

Существо было скрыто покровом и трудно различимо, но Тау видел более чем достаточно. Оно бежало на двух ногах, покачиваясь и удерживая равновесие с помощью двух дубинообразных рук, таких длинных, что доставали до земли. У него было плоское лицо и красные глаза, кожа казалась пораженной болезнью, а изо рта текли слюни.

Гневное чудовище заметило Тау и издало рев. Тау не мог заставить себя сдвинуться с места, и оно ринулось на него – вынырнуло из дымки и потянулось бесформенными руками. У Тау подкосились ноги, он открыл рот, чтобы испустить крик, упал и полетел вниз, сквозь землю, через мглу, туда, где его было не достать.

Втянув воздух, пепел и запах крови, Тау пошатнулся. Он стоял на коленях, и в нем бился страх, не похожий ни на что испытанное ранее. Он чувствовал, как теплая влага пропитала его штаны – он обмочился. Но ему было все равно, он и не мог с этим ничего поделать. Главное, он не рухнул в разворошенную в битве грязь.

Воины рядом с ним пребывали в похожем состоянии, и уголком глаза Тау заметил, что многие хедени тоже распластались на земле.

– Тау? – Это был отец.

– Да? – отозвался Тау.

– Расслабься. Сейчас пройдет. Все пройдет.

У Тау стучало в висках, но он все же взглянул на Одаренных. Амара по-прежнему посылала волну искривленной энергии. Отец вытащил его, и Тау понял, что он успел как раз вовремя. Волна ослабления, направленная Амарой, затащила душу Тау в темный мир, где до него чуть не добрался один из демонов.

В голове у него была каша, но Тау будто бы все понимал. Одаренная стремилась поразить как можно больше хедени, чтобы Ингоньяме удалось бежать. Но ее усилий было недостаточно. Она постоянно промахивалась, и Ингоньяма, истекая кровью из сотни ран, видел, что на месте каждого убитого им появлялось еще двое хедени.

– Я больше не могу убивать, – воскликнула Амара. – Не могу!

– Он должен сбросить разъярение, – ответила другая Одаренная, – не то Нсия умрет.

Одаренные переживали напрасно. Ингоньяма, взревев, убил еще одного и отступил, после чего возникло еще две вспышки света. Первая охватила его тело и исчезла вместе с его яростью. Он съежился, уменьшился ростом и силой.

Вторая вспышка появилась на плато, из полуоткрытого дверного проема одного из брошенных домов. Горнист, словно только этого и ждал, издал два резких звука, и группа хедени ринулась к дому.

Оставшиеся добили Ингоньяму. Закололи его копьями, зарубили топорами. Вскрыли живот, отрезали голову и подняли ее над собой.

У Амары в глазах выступили слезы, а Одаренная, стоявшая рядом, произнесла проклятие и воздела руки к небу. Когда из-под рукавов ее одеяния показались запястья, Тау услышал рев дракона.

Тот облетел круг, Одаренная дернула пальцами, и дракон, дохнув огнем, устремился к хедени, бежавшим к дому. Самые медленные из них погибали в пламени, когда зверь пронесся мимо, но некоторые все-таки добежали, вошли в дом и вышли с тем, что искали. Хедени поймали Одаренную.

– Нсия! – вскрикнула Одаренная, связанная с драконом.

Нсию вывели из строения, выпростав что-то блестящее из ее одеяния. Это был нож. Хедени было слишком много, и сопротивляться не имело смысла, но Тау все равно удивился, что она даже не попробовала.

Вместо этого она попыталась схватиться за клинок и вонзить его себе в грудь, но один из врагов оказался быстрее. Он ткнул ей в руку копьем, и нож выпал из онемевших пальцев. Она было открыла рот, чтобы закричать, но один хедени ударил ее в висок, она обмякла и упала на руки хедени.

Когда ее понесли к командиру с обожженным лицом, Тау посмотрел на небо. Дракон выходил на очередной круг над селением, но явно не успевал. Горнист, стоявший рядом с командиром, протрубил последнюю ноту к отступлению. Налет на Дабу завершился еще внезапно, чем начался.

Несколько Избранных торжествующе закричали. Большинство местных были в безопасности, Ихагу продержались до прихода военных, и Избранные в очередной раз отбились от врага. Ликование почти заглушило звуки удушья.

Это была одна из Одаренных. Не та, которая задела Тау своим ослабляющим ударом, и не та, что направляла дракона. Эта Одаренная тихо стояла в окружении солдат, вдали от сражения. Сейчас она содрогалась в конвульсиях и кашляла кровью, ее кожа покрывалась волдырями, которые тут же лопались. Ее словно разрывало изнутри. Как ту хедени, которую поймал и пытался допросить Джабари.

Один из воинов взял ее за руку и осторожно помог прилечь на землю. Остальные окружили ее плотнее, полностью закрыв от Тау. Но он слышал, что с ней происходило. Она умирала, и Тау было сорвался с места в ее сторону, желая помочь, но ему на плечо легла рука.

– Нет, – сказал ему отец. – Это касается только Одаренных.

– Она умирает.

Звуки, издаваемые Одаренной, стихли.

– Идем, – сказал отец. – Мы победили.

Глава вторая

Планы

Тау видел лицо хедени – он переживал мгновение, когда убивал ее. И в его сне она не умирала молча. Она кричала, оглушая его, сокрушая своей ненавистью. Он проснулся около полудня, не уверенный, что вообще спал хоть чуть-чуть.

– Тебе будет не по себе, – сказал ему отец, разжигая костер в их хижине. – Во время боя у тебя вскипает кровь и тело делает все, чтобы ты не останавливался. Когда опасность проходит, оно успокаивается. – Он предложил Тау вареных овощей. Тау отмахнулся.

– Ешь, – сказал Арен. – У тебя сегодня тренировка.

Тау не хотелось на тренировку. Он даже думал, что было бы недурно вообще больше никогда не прикасаться к мечу.

Арен, должно быть, заметил что-то в его лице, потому что отвернулся от Тау и уставился в гущу варева на дне котелка.

– Хотелось бы мне дать тебе больше, – проговорил он. – Хотелось бы... – Его голос надломился, и он провел по губам тыльной стороной ладони, будто вытирая грязь, которой там не было. – Тау... знаешь, мне придется на тебя надавить. У тебя скоро испытание на Ихаше, и я хочу подготовить тебя к этому. Я уже и забыл, насколько все может быть плохо. Забыл, как мало отношения к этому имеют формы мечей, упражнения или приемы.

Арен протянул руку, почти положив ее Тау на плечо. А потом резко опустил и сжал кулак.

– Я учу тебя убивать, – сказал он. – А нужно научить, как быть достаточно хорошим воином, чтобы выжить.

Тау кивнул. Вот чего хотел его отец.

– Отныне и до испытания тренировок будет в два раза больше. К дневным добавим еще утренние. У меня есть свои обязанности, поэтому по утрам ты будешь заниматься с Нкиру и кем-то из хороших мечников. – Арен велел Тау поесть и вышел.

Тау есть не стал. Он должен был встретиться с Джабари, поэтому поднялся, застегнул портупю и взял меч. Перед сном Арен заставил его вычистить оружие, но Тау до сих пор видел это. Видел на нем все пятна крови.

Когда Тау явился на дневную тренировку, Джабари уже дрался в боевом кругу.

– Тау! – тут же воскликнул он.

– Рад встрече, нкиси.

– На меня будто гора свалилась. Еле с кровати встал. Болело даже в тех местах, про которые я вообще не знал. – Малый Вельможа улыбнулся. – Хотя за это я уже мог бы и не переживать, потому что утром надо было встречаться с мамой. Думал, она меня убьет.

– Но не убила? – поинтересовался Тау, вызвав смех.

– Арен уже успел доложить ей. Она была зла, очень зла, но все-таки гордилась мной. Ты бы видел Лекана! Ему пришлось стоять рядом с мамой и слушать, как она меня хвалит. Вид у него был такой, будто вот-вот стошнит. – Джабари просиял. – Я же могу и привыкнуть к этому героизму. Джабари Онаи и Тау Тафари, самые грозные воины Избранных!

– Твои бы слова да Богине в уши, – ответил Тау, поднимая тренировочный меч и входя в боевой круг.

Джабари улыбнулся.

– Вот бы мы всегда были такими молодцами в ее глазах, – проговорил он нараспев и бросился в атаку. – Держись!

Учить их никто не пришел. Арена и его людей ждало несколько дней хлопот, за которые им и всему феоду предстояло оправиться после налета. Арен всегда говорил, что самая тяжелая часть битвы – это та, что начинается после.

Обязанностью инколели было также посещать дома тех, кто ушел к Богине. Тау не хотелось представлять, как он заходит к родным Тендаджи. Как он говорит жене Тендаджи, что та больше никогда не увидит своего мужа.

– Что тебя гложет? – спросил Джабари.

Потные, они сидели на границе боевого круга. Джабари превзошел Тау, и в этом не было ничего необычного. Необычной была легкость, с какой ему удалось это сделать.

– Не могу отойти от вчерашнего, – сказал Тау.

– Ну конечно, не можешь.

– Ты сам вообще спал? – спросил Тау.

– Почти нет, – ответил Джабари. – Все не мог успокоиться. Уже думал разбудить Лекана и поговорить с ним про битву. Можешь себе представить? Лекана!

Тау опустил плечи.

– Не думаю, что он бы это оценил.

Джабари снова рассмеялся.

– И не говори! Я теперь не уверен, что смогу размахивать хоть травинкой. Из крепости больше никуда. Отец предложил матери, чтобы мы с Леканом поучаствовали в восстановлении Дабы. Она согласилась, и мне нужно подумать, когда туда идти.

– Я бы хотел помочь, если ты не против, – сказал Тау.

– Это мило с твоей стороны. Тогда пойдем вместе. – Джабари встал. – Я дам знать, когда мы соберемся.

– Как думаешь... Они вернутся?

– Не знаю. Обычно они не нападают два раза в одном и том же месте, но раньше они и такими большими силами не совершали налетов. Это не очень хорошее начало правления

новой королевы. И еще... – Сомнения Джабари были делом необычным. Ведь он всегда излучал уверенность. – Когда Арен докладывал матери о произошедшем, он упомянул, что среди мертвых были хедени из пяти племен, хотя разные племена не совершают налетов вместе. Они вынужденно объединяют силы на Кулаке. Там передовая линия войны. Но для налетов собираются по отдельности. – Джабари покачал головой. – Я этих дикарей никогда не пойму. У них разные расы. Они враждуют друг с другом. Но при этом они могут действовать сообща и... смешиваться. – Последнее слово Джабари произнес с явным отвращением.

Избранные очень удивились, когда узнали, что хедени относятся к разным расам, каждая из которых обладает уникальным даром. И совсем поразились, поняв, что те смешиваются, загрязняя свою кровь и рискуя этими дарами. Кое-кто из жрецов Саха говорил, что Богиня прокляла их из-за подобного нечестивого поведения.

– Так они теперь союзничают, чтобы вместе совершать налеты? – спросил Тау.

– Давай надеяться, что вчерашняя ночь была исключением.

– Твои бы слова... – сказал Тау, и Малый Вельможа одобрительно кивнул.

Джабари потянулся, обхватил Тау за шею и притянул его к себе. Они соприкоснулись лбами.

– Что бы ни случилось, мы с тобой – братья по оружию. Мы пройдем все испытания, как всегда проходили Избранные, и с нами будет острая бронза. – Он отпустил Тау, шутливо шлепнул его по затылку, встал и, насвистывая, отправился в сторону крепости.

Тау тоже собрался уходить. У него болело все тело, но нервная энергия не давала покоя, и насколько его переполняло нежелание «махать мечом», настолько же хотелось и отвлечься от мыслей за тренировкой.

Со стоном он поднялся и вытащил клинок из ножен. Прodelал несколько отработанных движений, стараясь выполнять их как можно точнее, и, сморгнув капельки пота, замахал мечом еще быстрее.

Испытания, думал он, постоянно эти испытания. Культура Избранных вращалась вокруг сражений и испытаний, но ему не хотелось тратить целый цикл своей жизни в Южном Ихаше Исиколо на тренировочные бои с пустоголовыми здоровяками. И все ради того, чтобы потом провести десятую часть своей жизни на передовых нескончаемой войны. Ему не хотелось убивать женщин и мужчин, которых он не знал, и, что немаловажно, не хотелось, чтобы они убили его.

Он даже никогда не... Нет, ему не стоит так думать о Зури. Хотя он и думал. Думал иногда по ночам, воображал, как они поженятся, как будут жить подобно другим парам. Тау залился румянцем, ему стало жарко, будто нещадное солнце распалило его.

Только на воображение ему и оставалось надеяться, если он уйдет на войну и пробудет там шесть циклов – да еще потратит один цикл на обучение. После семи циклов разлуки вспомнит ли его Зури? Даже если вспомнит – Ихаше не считались хорошими мужьями, и Тау хватило одной битвы со всеми сопутствующими ей кошмарами, чтобы понять почему. Это не означало, что он был готов простить свою мать за то, что она бросила их с отцом ради миловидного и холеного мужчины из касты Правителей, но и делать вид, будто не понимает, почему она так поступила, он не мог.

Арен и Макена, распрекрасный муж матери Тау, недолюбливали друг друга, но последний действительно сделал ее счастливой, и Тау не мог из-за этого обижаться на мать. Ведь все хотят быть счастливыми. Он сам хотел. И думал, что это возможно, если Зури будет с ним.

Он сильнее взмахнул тупым тренировочным мечом, стараясь при этом не завидовать Макене. Тот стоял на несколько каст выше Тау, и поэтому казалось, что ему все в жизни давалось легко. Ему не надо было сражаться на войне, и его не могли сделать Батраком. Везучий ублюдок прошел испытание на Ихаше, но получил тяжелую травму, и этого хватило, чтобы

получить освобождение от службы. Ему позволили вернуться домой и служить управителем вместо того, чтобы воевать.

Арен, конечно, не считал, что дело было в везении. Он говорил, что хромота Макены и его перелом – не из тех, что получают на тренировке или при падении. А из тех – как однажды рассказал подвыпивший Арен, – что получает мужчина, который считает, что покалеченная нога лучше добросовестной службы.

Тау ударил воображаемого противника по шее. Его отец мог презирать все что хотел, но исход не казался Тау таким уж плохим. Макене удалось избежать участия в войне и жениться на любимой женщине. И как Тау ни восхищался отцом, будь у него выбор, он предпочел бы жизнь Макены.

Тау споткнулся и чуть не упал, когда его, словно брошенный камень, настигло понимание: у него ведь в самом деле был выбор. Его лучший друг был вторым сыном умбуси. Его мать и ее муж были главными управителями умбуси. И пока Тау проходил испытание на Ихаше, он выполнял свой долг и не мог сделаться Батраком.

А если случится так, что во время испытания он получит ужасную травму... что ж, будет очень жаль. Ему придется вернуться в Керем, к своей семье... и Зури.

Тау выдохнул, сбрасывая напряжение, которое ощущал так давно, что забыл о нем. Теперь у него появился план, который решал все его проблемы, и мысль об этом наполнила его облегчением и умиротворением. Но ненадолго.

Только что обретенное спокойствие развеялось чувством стыда. Он был сыном Арена Соларина, и уклониться от долга с помощью обмана и в угоду своему эгоизму было ниже его достоинства. Отец воспитывал его не таким. На этом с сомнениями можно было и покончить, но затем ему вспомнилась женщина, которую он убил в Дабе, и стыд отступил.

Он не хотел убивать женщин и мужчин на этой бесконечной войне. Он не хотел участвовать во всеобщем безумии. У Тау был способ этого избежать, и, ей-богине, он готов им воспользоваться.

Он нанес воображаемому врагу смертельный удар, представив, что перед ним – жизнь, которую ему надлежало вести.

– Хватит с меня убийств! – воскликнул он.

– Ты кого-то убил?

– Сик! – выругался он, резко оборачиваясь к еще одному силуэту из своих снов.

Это была Зури.

Смелость

– Зури? Я... я не... – Он склонил голову, и от мыслей, которые его тотчас посетили, у него запылали щеки. – Прошу прощения, – проговорил он.

– Нет, это мне не стоило так тебя пугать, – сказала она, изогнув при этом бровь, будто давая понять, что, испугала она его или нет, сквернословие стало для нее неожиданностью. – Я смотрела, как ты тренируешься. Ты молодец.

– Ты очень добра. – Тау убрал меч в ножны. Ему хотелось добавить, что она так же красива. Но не хватило смелости. – Не такой уж молодец, – проговорил он вместо этого. – Мне просто повезло, что меня отец тренирует. Джабари лучше. – Зачем он так сказал? – Я имею в виду...

Зури подняла руку выше своей головы, будто отмеряя рост кого-то высокого.

– Он Вельможа, – сказала она. – Ты правда кого-то убил?

Тау похолодел внутри.

– Это была хедени. – Ему не хотелось рассказывать больше, но он еще не отошел от шока и не смог сдержаться. – С ней было еще двое. Они пытались ранить женщину с ребенком.

– Мне интересно...

– Ничего. Я... – Тау попытался совладать с чувствами, – убил ее, и все.

– Ты защищал Избранных.

– Мне так не кажется.

– Если бы ты не вступился, она убила бы женщину с ребенком. Разве их смерти стали бы справедливой ценой за чистую совесть?

Это казалось нечестным.

– Ты пришла поспорить? – спросил Тау.

Ее это задело.

– Разве мы спорим? – Она покачала головой. – Я пришла повидать тебя, – сказала она, поднимая подбородок и набирая воздух в грудь. – Я пришла... – Она нервно улыбнулась, уголки ее губ задрожали. – Я пришла...

– Что? – спросил Тау, смятенный.

– Э-э... – Зури будто бы собиралась с духом, но затем потеряла самообладание. – Странно, что Арэн не отстегал тебя плеткой, – сказала она.

У Тау не было настроения шутить.

– Это Джабари попросил меня пойти с ним.

Улыбка сползла с ее лица. Он был с ней слишком резок. Вот идиот.

– Я видела Джелани, – сообщила она. – Она сказала мне, что видела тебя вчера перед битвой. Сказала, ты искал Джабари.

– У Джелани слишком большой рот для такого маленького личика.

– Тау, про Джабари можно много что сказать. Он смелый, красивый, высокий...

– Да ну? – спросил Тау.

– Но он не опрометчив. Это я сказала бы скорее про кое-кого другого.

– Так что ты хочешь от меня услышать?

– Ничего я не хочу. Я пришла... Я хотела тебя повидать. – Зури снова странно на него посмотрела. – Хотела убедиться, что с тобой все хорошо. Мне нужно было это знать.

– Со мной все хорошо.

Она приблизилась к нему на шаг, на расстояние вытянутой руки, и руки Тау вдруг показались ему тяжелее валунов. Она неуверенно положила ладонь ему на грудь.

– Но ты бы сказал мне, если бы это было не так?

Лоб Тау вмиг покрылся испариной. Она просто проявляет дружелюбие, твердил он себе. Переживает за давнишнего друга. Он опустил глаза на ее руку, потом поднял взгляд обратно к лицу. Она стояла так близко. Он почти мог...

– В битве м-мы... я думал, у нас нет надежды. – Тау запнулся.

– Ты сражался. Ты защищал нас, – сказала Зури, подходя еще ближе.

Тау почти касался ее своей грудью.

– Они застали нас врасплох. Их было слишком много. – Он не мог сосредоточиться на том, что говорил. Каждый раз, когда Зури делала вдох, это... отвлекало. – Хедени уже почти нас одолели, когда прибыли войска со Стражами.

У Зури округлились глаза.

– Ты видел драконов?

Драконы. Вот о чем он мог еще рассказать.

– Я никогда не видел их так близко.

– Я их вообще не видела, – сказала Зури.

– Они огромные. Черные, как тени. Я чувствовал их жар. Это... На самом деле нельзя описать. И ими управляли Одаренные...

– Увещающие.

– Что?

– Те, кто заклинает. Одаренные не управляют Стражами, они их призывают, – пояснила Зури. – Как она это делала?

– Э-э... она подняла руки и стала ими махать, – сказал Тау.

– Она махала руками? – Зури поджала губки, глядя на него.

– Правду говорю.

– Я тебе верю.

– Нет, ты опять надо мной смеешься, – проговорил Тау, стараясь не смотреть на ее рот.

– Ни в коем случае, – ответила Зури, и ее полные губы изогнулись в ясной улыбке, глаза засверкали. – По-моему, это смешно звучит – что Одаренная управляет Стражем, просто размахивая руками.

– Это выглядит не так, как звучит. Там... ты чувствуешь эту силу.

– Продолжай, – сказала Зури, стоя все так же близко.

– Была еще одна Одаренная, она была вместе с Ингоньямой. Хедени схватили ее, когда...

– Что? – Улыбка Зури померкла.

– Они убили Ингоньяму и забрали Одаренную.

Она отступила на шаг.

Зачем было ей это рассказывать? Может, стоило еще и описать, как выглядели мертвые?

– Не надо было мне ничего рассказывать.

– Это я виновата, – проговорила Зури еле слышно. – Я все расспрашиваю, как ребенок, представляю только славу и доблесть, храбрых воинов и чудесных Одаренных. Но это же не так, да?

– Да, – подтвердил Тау. – Не так.

– Не так, – эхом повторила Зури, опуская глаза.

Наступила тишина, и Тау понятия не имел, как ее заполнить.

– Тау, я пришла сюда не просто так. Когда я услышала, что ты ушел в Дабу, я так разволновалась, я... Тау, у нас осталось мало времени перед тем, как ты уйдешь тренироваться на Ихаше, и я не хочу вспоминать прошлое с сожалением. Я лучше поступлю дурно, чем не сделаю ничего и буду всю жизнь гадать о том, что могло бы быть.

Ему стоило сказать ей, что она красива, когда у него была такая возможность.

– Тау?

– Да?

Зури сделала шаг вперед и поцеловала его. Все его тело напряглось от потрясения. Ее губы, сначала нежно прижимавшиеся к его рту, стали настойчивее, и у него застучало в висках так, что начало покалывать кожу головы.

Он не знал, что делать со ртом и руками, а ощущение было такое, будто там, где он касался ее, кожу нагревало пламя. Тау обвил ее руками, прижал к себе и стал молить Богиню, чтобы этот момент продлился бесконечно. Ему захотелось умереть вот так, обнимая ее... Но она оборвала поцелуй.

Он открыл глаза, удивленный тем, что солнце по-прежнему светит в небе. Несколько бесценных мгновений для него не существовало ничего, кроме Зури.

– Мы должны остановиться, – сказала она, понизив голос. – Мы же не хотим зайти слишком далеко.

В голове у Тау была будто одна солома.

– Зури... – промолвил он и сам удивился, каким молящим оказался его голос. Он словно упрасивал ее о чем-то.

У нее в глазах заплясали огоньки.

– Я это сделала, – сказала она. – Хотя не была уверена, что мне хватит смелости. – Ее улыбка показалась ему новым рассветом. – Скоро увидимся, Тау Тафари.

Она выскользнула из его объятий и ушла. Тау смотрел ей вслед – на самое совершенное создание, когда-либо существовавшее на свете.

– У нас еще весь остаток Роста и Жатвы до твоего испытания, – крикнула она ему, прежде чем исчезнуть за склоном.

Тау стоял на месте, пытаясь понять, что произошло. Это никак не укладывалось у него в голове, но все же, кажется, его жизнь налаживалась.

Пути

Следующим утром Тау проснулся до рассвета. Он по-прежнему ощущал боль после битвы, но кошмары уже отступили, и небо прояснилось. Его голову переполняли мысли о Зури.

– Уже встал? – заметил Арен, сидя над миской с холодной чечевицей и картофелем.

– Встал.

Арен наблюдал за ним. Тем же взглядом, каким смотрел на него отец на тренировках, опасаясь, что Тау может пораниться.

– Я в порядке, – сказал Тау.

– Я ничего не говорил.

– Но собирался, – возразил Тау.

– Может быть, но ты никогда не узнаешь.

Арен поднялся, пристегнул меч и вышел, чтобы облегчиться. Тау услышал, как Арен с кем-то здороваются, а потом снаружи окликнули и самого Тау.

– Иду, – сказал Тау, натягивая свои поношенные ботинки и выходя наружу. Там стоял Джабари.

– Рад встрече, Тау.

– Рад встрече, нкоси. – Тау знал, что Джабари не нравилось, когда он использовал почетное обращение Вельможи, но рядом стоял Арен, и Тау мог получить нагоняй за излишнюю фамильярность.

– Я в Дабу. Больше никого со мной. Лекан не пойдет.

– Хорошо, поработаем за троих, – сказал Тау, довольный тем, что Лекана нет. Это позволит ему провести день с Джабари, а значит, он сможет поделиться с ним своим планом. И попросить у него помощи.

Его отец стоял возле хижины, глядя им вслед. Ему нравилось видеть их вдвоем, и он всегда подбивал Тау проводить больше времени со вторым сыном умбуси. Тау помахал рукой, Арен кивнул ему в ответ. Он держался невозмутимо, но Тау знал: он гордится тем, что они с Джабари решили помочь Дабе.

– Уйдет почти весь сезон на то, чтобы сделать Дабу такой, какая она была, – заметил Джабари по дороге. – Я пробуду там первые несколько дней, но потом придется тренироваться по утрам и после обеда.

– Испытание?

– Оно так скоро, что и глазом моргнуть не успеешь, а отец на меня рассчитывает. – Джабари пнул ногой комок земли. – Ему до сих пор стыдно, что он свое не прошел.

– Твой отец хорошо послужил Керему, – сказал Тау. – К тому же он муж умбуси. А значит, он тоже воин.

– Почетный. Он не тренировался ни дня, а обязательный статус воина не дает ему никаких поблажек. Это значит, что любой, кто служит, даже из Меньших, может вызвать его на кровный поединок. – Джабари покачал головой. – Правящий и Сторожевой Советы дают таким мужчинам, как мой отец, статус воина, чтобы держать их в строю. Это не любезность и не привилегия.

Тау слушал вполуха. Политика его никогда не интересовала, а сейчас он думал только о том, как рассказать Джабари о своем плане. Начать, наверное, стоит со своих чувств к Зури. Это, надеялся Тау, Джабари поймет.

По правде говоря, Тау предпочел бы вообще не вовлекать друга во все это, но ему нужна была его поддержка. Только так Тау мог гарантировать себе место в крепости Онаи после того, как... получит травму.

Джабари взял камешек и принялся перекидывать его из руки в руку.

– И когда Лекана отвергли, лучше тоже не стало, – сказал он, продолжая рассказ о неудачах семьи. – Теперь я последняя надежда. Моя мать умбуси, а войне нужны бойцы. Я должен пройти испытание и стать Индлову. Иначе на службе не останется никого из мужчин семьи Онаи, и на феоде будет наложен оброк, который мы не сможем платить.

Джабари вытащил из своего свертка кусок вяленого мяса, и у Тау потекли слюнки.

– Ты попадешь в цитадель, – сказал Тау, стараясь не смотреть на друга.

– Твои бы слова да Богине в уши, – отозвался Джабари, отламывая кусок мяса и предлагая Тау.

– Спасибо, нкоси, – сказал Тау, склонив голову.

– Не зови меня так.

Тау было трудно слушать. Он думал о мясе. В последний раз он ел его очень давно. Нужно было есть медленно, не то желудок начнет трястись, как гигантский плавник. Он откусил немного – на вкус он был словно дар самой Богини.

Джабари откусил от своей половины и, жуя, продолжил говорить:

– Все должно получиться. Я хорошо тренировался. И ты тоже. Ты точно пройдешь на Ихаше.

Тау сглотнул, делая над собой усилие, чтобы сдержать вздох удовольствия. Корни и мягкие овощи – это хорошо, но мясо – совсем другое дело.

– Прошу прощения? – спросил он.

– Ты пройдешь испытание на Ихаше и вступишь в войско.

Тау не позволил этим словам испортить удовольствие от последнего кусочка или поколебать его решимость осуществить задуманное. Он положил мясо в рот и принялся медленно разжевывать, наслаждаясь вкусом и консистенцией. И только когда от мяса ничего не осталось, он произнес:

– Я надеюсь стать Ихаше, – сказал он, – но служить не стану.

– Что? – Джабари, с набитым ртом и поднятыми бровями, повернулся к нему.

Тау заговорил горячо и быстро.

– Я люблю Зури Убу, и я не убийца. Я хочу на ней жениться, но не смогу, если мне придется оставить ее и воевать как Ихаше или Ихагу. А если я откажусь, меня сделают Батраком, и мы никогда не сможем быть вместе.

Джабари наклонил голову, уставившись на Тау. Он замер, двигались только его челюсти. Он продолжал жевать.

– И что теперь? – спросил он.

– Я должен пройти испытание на Ихаше. После этого я должен буду завершить тренировочный процесс. И я... я получу тяжелую травму, и мне придется вернуться.

– Травму? Откуда ты знаешь... – Джабари округлил глаза. – О-о...

– Когда вернусь домой, я, надеюсь, смогу работать в крепости. Это лучше, чем я заслуживаю, но... Джабари, умоляю... Я... – Тау вздохнул. – Ты мне pomoжешь? Когда я вернусь? Ты замолвишь словечко?

– Да ты шутишь. – Лицо Джабари оставалось бесстрастным, и Тау не мог понять, что тот думает.

– Не шучу, – сказал он.

– Тау, не суди только по Дабе. Это была твоя первая битва, ты не можешь...

– Нкоси, я не убийца.

– Не называй меня нкоси. Мы друзья. Братья по оружию... – Джабари проглотил последний кусок мяса. – Ты это серьезно?

– Да.

– Откуда ты знаешь, что Зури вообще попросит тебя на ней жениться?

– Я... я не знаю, но вчера она ко мне приходила.

Джабари пожал плечами.

– И?

– Она поцеловала меня.

– О... – Он покатал камешек по ладони. Словно забыв, что держит его в руках. – Она настроена серьезно?

– Э-э...

– Она тебя поцеловала? В губы?

Неожиданно для самого себя, Тау расплылся в широкой улыбке.

– Да. Да, в губы.

– Нсику! – выругался Джабари, тоже усмехаясь. – И как оно?

– Джабари...

– Если ты хочешь, чтобы я помог, то расскажи во всех подробностях.

У Тау перехватило дыхание.

– Ты мне поможешь?

– Братя по оружию, я же сказал... даже если ты настолько глуп, что думаешь, твоя жизнь станет лучше без оружия. – Джабари хмыкнул. – В любом случае еще есть время до того, как ты пройдешь испытание и отправишься в Исиколо.

Вот оно что. Значит, Джабари считает, что Тау передумает. По-видимому, он решил, что это лишь из-за поцелуя и в оставшиеся до испытания дни все вернется на круги своя.

– Ты замолвишь за меня словечко, если я приеду обратно? – снова спросил Тау.

– Если ты вернешься и будешь искать работу в нашей маленькой крепости, я буду сожалеть, что так вышло, но я не скажу об этом матери. Я скажу ей, что Тау Тафари – один из лучших, самый усердный Меньший из всех, кого я знаю.

– Спасибо!

– Нсику! Поверить не могу, что Зури Уба тебя поцеловала. – Джабари рассмеялся и двинулся дальше. – Мы же точно о ней говорим? О той симпатичной служанке?

– О самой красивой служанке, – ответил Тау.

СЫНОВЬЯ

Тем же вечером Тау и Джабари вернулись в Керем изнуренные, но довольные. Меньшие в Дабе потеряли многое, но не поддались отчаянию. Селение выстояло.

Подходя к хижине, Тау заметил свет костра. Арен никогда не разжигал его по ночам. Остаток пути Тау пробежал со всех ног. В доме их встретила сонная Зури.

– Тау! – воскликнула она.

– Мой отец...

– Арен в порядке. Это не он. Анья.

– Что такое? – спросил Джабари, протиснувшись в хижину, и тесное и без того пространство будто стало еще меньше.

Зури попыталась подобрать слова.

– Нкоси Джабари, – проговорила она, обращаясь к нему по всей форме, – это друг моего отца... э-э, второй командир Арена... Его обвинили в нападении на Вельможу.

– Нкиру? – спросил Джабари. – О нет. Что случилось?

Зури открыла рот и закрыла, будто не нашла слов.

– Ваш брат... Я хотела сказать, Нкиру ударил его, когда он...

– С чего, во имя Богини, Нкиру... – Джабари осекся. Он тут же все понял, как и Тау.

Но Зури все равно должна была сказать это вслух.

– Лекан взял силой... Простите меня. Нкиру застал нкоси Лекана со своей дочерью, Аньей.

– Сик! – выругался Джабари.

Зури поморщилась.

– Ваш брат желает, чтобы закон был соблюден, но Арен отказался.

Тау привалился к ближайшей стене. Арен ни при каких условиях не допустил бы, чтобы убили Нкиру и его семью.

Джабари принялся, точнее попытался, мерить шагами крошечное жилище.

– Лекан, что за полоумный дурак. – Он вышел наружу. – Идем. С этим нужно разобраться, пока все не стало еще хуже.

Они помчались вниз по склону. Час был поздний, но чем ближе они подбегали к крепости, тем больше встречалось им людей.

Лекан стоял в центральных воротах крепости вместе со стражей семьи. Стражники держали торфяные факелы, освещавшие их встревоженные лица. Среди стражников стоял Очиенг и, как и остальные, выглядел он несчастным. Перед ними собрались люди, которые от пары неосторожных слов могли превратиться в мятежную толпу.

Напротив Лекана стоял отец Тау, несколько человек, что были под его командованием, и Нкиру.

– Отдай его мне, Арен, – приказал Лекан. – И не заставляй меня это повторять.

– Нкоси Лекан, я лишь прошу позволить нам поговорить с умбуси Онаи, – сказал Арен.

– Моя мать отдыхает, и это дело не требует ее внимания, – ответил Лекан. – У тебя есть мой приказ. Выполняй!

Тау, вместе с Зури и Джабари, протиснулся сквозь толпу. Все это время он не сводил глаз с Лекана.

Лекан был выше Джабари и и тяжелее его, но не из-за мышц. Старший сын умбуси был известен своим аппетитом и на земле, где пища была нормирована, выделялся плотным телосложением. Малый Вельможа любил и выпить, и люди шептались, что олу он пил чаще, чем воду.

– Нкоси Лекан, – сказал Арен, – я полагаю, мы можем решить дело без смертей, и вызываю к вашему совету, в дополнение к вашей матери.

– В дополнение? Да чтоб тебя, Меньший! Отдавай его мне сюда!

Нкиру выглядел несчастным, Аня стояла рядом, совершенно подавленная. Ее глаза были налиты кровью, на руках даже в свете факелов виднелись синяки. Платье было разорвано. Зури подошла к ней.

– Рад встрече, брат, – поздоровался Джабари, протискиваясь сквозь толпу, чтобы встать рядом с отцом Тау.

Лекан ему не обрадовался.

– Джабари.

– Так в чем дело?

– Мне досадили, – сказал Лекан, поднимая свой квадратный подбородок.

– Досадили? Каким образом?

– Это не следует обсуждать на людях.

– Я уверен, нападение на Вельможу – это как раз то, что следует обсуждать на людях. Если в наказание должна быть уничтожена целая семья, нам нужно знать, в чем дело.

Лекан грозно уставился на брата.

– Мне досадили. Разве слова Вельможи в Кереме больше недостаточно?

Тау заметил, как пальцы Джабари сжались вокруг рукоятки меча. Это было не к добру. В схватке Лекан проиграет, но Нкиру и его семье это только навредит.

– Нкоси, – проговорил Арен, обращаясь к обоим братьям. – Я уже успел допросить обвиняемого.

Тау сообразил, что его отец в лучшем случае мог дать Нкиру чашку-другую масмаса, чтобы тот успокоился.

– Нкиру искал свою дочь, – стал рассказывать Арен. – Он...

– Я не позволю, чтобы мое имя оклеветали! – воскликнул Лекан.

– Когда он нашел ее, то...

– Я тебя предупреждаю, Арен!

– Увидел, что она соблазняет мужчину.

Лекан выпучил глаза и склонил голову набок, будто пытаясь расслышать доносящийся издали звук. Аня всхлипнула, и Арен изрек ту единственную ложь, которая могла спасти Нкиру, Аню и всю их семью.

– Нкиру был возмущен непристойным поведением дочери, – сказал Арен. – И ударил неизвестного мужчину, а когда его нападение было отражено, он понял свою грубую ошибку. – Арен повысил голос, обращаясь ко всем собравшимся и давая Лекану возможность сделать эту выдумку официальной версией. – Нкиру схватил дочь и с позором увел ее из крепости. Затем он пришел прямо ко мне, чтобы сознаться в своем грехе и искупить вину за то, что опозорил феода.

– Феода опозорен! – вспыхнул Лекан.

– Если это успокоит нкоси, то я вел этого мужчину и его дочь к умбуси Онаи, чтобы попросить у нее разрешения изгнать их.

– Да! – поддержал Лекан. – Стой! Изгнать?

– Да, нкоси Лекан! – ответил Арен. – Мы не можем допустить столь нездорового поведения. Вельможа с Меньшей? С Мирялкой! Отвратительно и неподобающе. Кто бы поверил, что такое возможно, если только эта негодная женщина не обманула вас.

– Да... – Лекан осмысливал небылицу.

– Нкоси Джабари, – сказал Арен, – если вы и ваш старший брат согласитесь с изгнанием, то нет причин доносить это до умбуси Онаи. Все здесь собравшиеся хорошо знают нрав

нкоси Лекана. Мы ведь понимаем, каким образом он, скорее всего, оказался в одной комнате с Мирянкой вроде Аньи.

Арен едва не переступил грань, и люди, действительно хорошо знавшие нрав Лекана, зашептались.

– Мы можем себе представить, что произошло, – продолжил Арен. – Так зачем же отнимать время умбуси? Я поклялся, здесь, среди равных мне и стоящих выше, что Нкиру обуял страх за его дочь. С нашей стороны было бы несправедливо наказывать всю семью за поведение ребенка.

– Это не ребенок, – возразил Лекан, косясь на Анью так, словно видел у нее чешую и клыки с ядом.

– Тем лучше, – ответил Джабари, пытаясь поддержать Арена. – Прогоним зло из нашего круга. Я воспользуюсь советом инколели Соларина. Пусть семья будет изгнана из феода. – Джабари выплюнул эти слова, будто гниль, коей они и являлись.

– Я, Вельможа, был оскорблен. – Лекан все равно хотел крови.

– По неведению, – напомнил ему Арен.

– По неведению. – огрызнулся Лекан. – Да, этот дурак, очевидно, не знал, на кого нападает. Если бы знал – он бы не посмел.

– Не посмел бы, – согласился Арен.

– У меня при себе был меч. Если бы он меня разглядел, то сообразил бы, что выступить против меня – значит умереть, – заявил Лекан, обводя взглядом толпу. – Да, изгнать эту мразь! Знайте, – продолжил Лекан, положив руку на сердце, – если я увижу кого-либо из его родственников в пределах Керема после рассвета, я их выпотрошу.

– Что может быть справедливее? – проговорил Арен.

– Что? – спросил Лекан.

– Ваше слово да моя воля, – произнес Арен.

– Слава Богине, – сказал Лекан, разворачиваясь на каблуках и уходя в глубь крепости. Стража с облегчением последовала за ним.

Когда ворота с лязгом закрылись, этот звук будто обрезал невидимые нити, которые удерживали Нкиру на ногах, и он рухнул на землю.

Тау чувствовал себя опустошенным. Нкиру был хорошим человеком. Анья и правда слыла сорвиголовой, но не более того. Она ни за что не стала бы соблазнять Лекана.

– Я поговорю с матерью, – сказал Джабари.

– Уже все решено, – возразил Арен. – Лекан не успокоится, пока Нкиру и его семья остаются в Кереме. Он только что жаждал крови.

– Лекан просто набитый...

– Джабари... – оборвал его Арен, показывая взглядом на собравшихся вокруг, обращая внимание Малого Вельможи на присутствие Меньших.

Джабари прижал пальцы к вискам и принялся их тереть.

– Как скажете. Я не стану препятствовать изгнанию, если вы этого желаете, Арен.

– Нкоси Джабари, – сказал Арен. – Я благодарю вас за помощь. Мне страшно вообразить, что бы случилось, если бы вы не пришли. – Арен положил руку Нкиру на спину. Тот все лежал на земле. – Мы, Меньшие, сделаем то, что теперь нужно сделать. – Арен помог Нкиру подняться на ноги, Зури поддержала Анью, и толпа стала расходиться.

Оставшаяся часть ночи тянулась для Тау еще дольше, чем день. Он пошел в хижину Нкиру вместе с отцом, Зури и Аньей. Там их ждали несколько Ихагу, и все принялись помогать семье собираться. Жена Нкиру, еще кормившая младшего ребенка грудью, держалась храбро, но она не могла скрыть свой страх.

Когда семью проводили, уже почти наступило утро. Они ушли на восток, в Дакур. Пограничный феодал часто страдал от налетов, а значит, способному Ихагу там найдется место.

Арен дал Нкиру имена нескольких людей, к которым имело смысл обратиться, и больше не осталось ничего, что можно было сказать или сделать. Зури обняла Анью, крепко прижав к себе и не желая отпускать. Анья выглядела совершенно ошеломленной, и Зури заплакала за них обеих, когда семья побрела прочь.

Арен направился обратно в крепость. Его ждали дела. Начинался новый день.

Тау стоял рядом с Зури, и они наблюдали за тем, как поднимающееся солнце превращает их друзей в силуэты, которые размываются от утреннего зноя. Затем, когда гора поглотила их своими изгибами, силуэты исчезли. Зури взяла Тау за руку и положила голову ему на плечо. И так они стояли, молча, но рядом, и это длилось целую вечность. Все это время она не переставала плакать.

Мужчины

Последующие дни выдались тяжелыми. Зури старалась проводить с Тау все свободное от своих обязанностей время, но мысли о судьбе Аньи ее тяготили. Тау было больно видеть ее такой подавленной, да и его собственные кошмары о налете так и не прекратились. И все же они улучали тихие минуты, чтобы посидеть, поговорить, посмеяться, хотя иногда Зури плакала.

Тау пытался быть для нее опорой, но он заметил, что она приносит ему утешения больше, чем он может принести ей. Она давала ему все, чего он не знал и чего ему не хватало. С мыслями о ней он просыпался по утрам и засыпал по вечерам. Он с трудом мог думать о чем-либо, кроме ее улыбки, ее глаз, ее голоса... кроме нее целиком.

Тем не менее он прилагал все усилия, чтобы оставаться сосредоточенным. Пообещал себе, что оплатит Джабари за то, что тот защитил семью Нкиру и собирается помочь ему обрести счастье с Зури. Больше всего Джабари нуждался сейчас в тщательной подготовке к предстоящему испытанию. Поэтому Тау проводил каждый день в тренировках, занимаясь с другом до тех пор, пока оба они не валились с ног. Так закончились последние дни Роста, и наступили первые дни Жатвы, и пришло время церемонии посвящения в мужчины.

Юношам из касты Меньших, рожденным в том же цикле, что и Тау, надлежало стать мужчинами. На церемонию явился местный жрец Саха, от него несло олу. Он стал говорить об испытаниях, которые проходят все женщины и мужчины, принадлежащие к числу Избранных. Он призвал новоиспеченных мужчин к добродетели и пожелал, чтобы их служба облекла славой их семьи – служба народу омехи, королеве и Богине.

Затем новым мужчинам дали гаум. Тау впервые пробовал эту желтоватую муть из скорпионьего яда. Когда он осушил чашу, напиток опалил ему горло, вспыхнул в ноздрах и прожег до самого затылка. Он задыхался, его тошнило – к радости всех, кто пришел посмотреть, как юноши становятся мужчинами.

Тау не мог понять, зачем пьют такую мерзость, но едва вкус гаума пропал, он заметил, что после него угощение – вареная капуста, соленый картофель и длинные бобы – оказались вкуснее обычного. Кроме того, шутки стали смешнее, он перестал ощущать собственные зубы (разве он вообще когда-либо их ощущал?), а всякая женщина, какую он видел, выглядела почти такой же красивой, как Зури.

Он гулял до темноты с остальными юношами, только что прошедшими обряд посвящения. В какой-то момент рядом появился Джабари и подарил Тау новенькую пару ботинок. Тау обнимал его несколько долгих мгновений, затем пригласил Малого Вельможу выпить с ним лучшего напитка на всем полуострове. Джабари с улыбкой отмахнулся от предложенной чаши.

Оставшаяся часть вечера то летела стремглав, то едва ползла. Отец Тау поздравил его и даже немного посидел с ним, прежде чем уйти выполнять очередной долг. Потом пришла Зури, и он назвал ее земной Богиней. Она посмотрела на него, изогнув бровь и уперев руки в бока. Он подумал, что так она выглядит еще милее, и захотел ее поцеловать, но кругом были люди. Но он все равно попытался. Она ему не позволила и сказала, что пришла отвести его домой.

Тау не был готов уходить и попытался попросить Зури с ним потанцевать, но язык у него словно распух. Тогда он все равно взял ее за руку и повел в танцевальный круг. Они танцевали, и это было чудесно, пока у Тау не разбушевался желудок. Он извинился, указав себе на живот и на рот, прежде чем проковылять к ближайшим кустам, чтобы вернуть весь ужин земле.

Там он простоял некоторое время, дивясь тому, как много из него вышло. Закончив, он стал искать Зури, чтобы продолжить танец. Она же считала, что лучше идти домой. Тау решил, что это чепуха, но Зури поразила его своей силой, потащив прочь от гулянья.

Тау кричал, что ему нужно надеть его новые ботинки, но Зури указала, что они у него в руке. Он назвал ее земной Богиней, а она ответила, что он это уже говорил.

Арен ждал их у двери, а потом помог довести Тау до кровати. Хотя Тау помощь не требовалась. Он мог и сам снять штаны. Но стянув штанину с одной ноги, повалился на землю. Закрывая глаза, он думал, что надо бы стянуть и вторую.

Тау разбудил крик. Во рту ощущение было такое, будто он проглотил горсть песка, в животе крутило, а голова гудела, будто находилась внутри барабана, в который снаружи били.

– Где он сейчас? Я его убью! – Это кричал Арен.

Тау вскочил на ноги и тут же упал. Штанина была у него только на одной ноге.

Он услышал, что его отец выскакивает наружу, как он топает тяжело и сердито. Тау натянул штанину, схватил тунику, в которой был накануне, и увидел, что она заляпана рвотой. Нашел другую рубашку, порванную, но пригодную, натянул новые ботинки, схватил тренировочный меч и выскочил из хижины в мучительно яркий новый день.

Рядом с Аренем стоял Экон, высокий жилистый воин, которого отец после изгнания Нкиру сделал вторым командиром. Арен был в гневе.

– Отец? Что происходит? – спросил Тау, щурясь на солнце.

– Возвращайся в дом.

– Что происходит? – не унимался Тау. Он еще никогда не видел отца таким.

– Он их убил!

– Что? Кто?

– Он их убил, этот нсику! – Арен зашагал прочь.

Тау затрусил за ним.

– Кто!

– Лекан, – прорычал Арен.

Тау уже не хотелось знать.

– К-кого... кого он убил?

– Их нашел патруль Экона. Тела сбросили с утеса. Нкиру, его жену, Анью, ее брата... младенца... младенца. – Арен вынул меч и прибавил шаг.

Тау нагнал его.

– Отец, что ты собираешься сделать? – Он схватил Арена за руку, принуждая остановиться. – Отец!

– Я его убью. – Арен высвободился.

– Экон! – позвал Тау. – Сделайте что-нибудь!

Экон, теребя завязки на своей тунике, попытался вразумить Арена.

– Инколели, э-э... Арен, нам... нам следует это обдумать. Мы не знаем наверняка, что это был...

– Не надо! – рявкнул Арен, обрушиваясь на Экона так, что тот поежился. – Знаем мы, кто это сделал. Знаем! Младенца, Экон. Младшую дочку Нкиру!

– Ты не можешь с ним драться, – сказал Тау, становясь рядом с Эконом и преграждая отцу путь.

– Я его убью.

– Он Вельможа, – напомнил Тау.

– Мка! Он умрет не хуже Меньшего, когда мой меч войдет ему в шею.

Экон, повертев головой, огляделся вокруг, желая убедиться, что больше никто этого не услышал.

– Отец... – начал было Тау, но Арен оттолкнул его с дороги.

– Они повесят Тау, если ты его убьешь, – сообщил Экон. – Сначала его, а потом его мать. Они вскрыют их тела и оставят гнить на солнце. Арен, они это сделают.

Отец Тау больше никуда не спешил.

– Они повесят Тау, – повторил Экон. – Ты это знаешь.

Арен сел, словно из его тела разом исчезли все кости. Он выронил меч на чахлую траву и обхватил руками голову. Тау приблизился к отцу, Экон за ним. Плечи Арена вздымались и опускались. Он плакал, не издавая ни звука. Тау не помнил, когда его отец плакал в последний раз.

– Да, – проговорил он. – Да. – Тау присел рядом на колени и обхватил его руками.

– Мне жаль, Арен, – проговорил Экон. – Мне жаль. – Он повторял это снова и снова. Словно случившееся было стихийно и неизбежно, словно это не было деянием только одного человека.

– Мы сожжем их тела, как положено, – сказал Арен чуть погодя. – Сделаем это тайно. Лекан не должен узнать, что мы их нашли.

Экон кивнул.

– Тау, Джабари скоро придет тренироваться. Он будет тебя искать.

– Я с вами, – сказал Тау.

– Иди, – сказал Арен, вставая. – И не рассказывай ему об этом.

Тау посмотрел на Экона. Взгляд отца ему не понравился.

– Я ничего не стану делать. Я не могу. – Последнее слово застряло у Арена в горле. – Лекан не воин, Экон прав. Я не могу его убить. Они явятся за моей семьей, за тобой и Имани, за дочкой Имани... Иди тренируйся. Я вернусь домой.

Арен встал, и Экон положил руку Тау на плечо.

– Я останусь с ним, – сказал он. – Останусь столько, сколько нужно.

Когда Тау вошел в боевой круг, Джабари уже почти закончил отрабатывать движения. Он увидел Тау, и его лицо расплылось в широкой ухмылке.

– Ботинки здорово смотрятся!

– Спасибо, – ответил Тау, испытывая тошноту.

– Готов драться? – сказал он.

– Погоди немного, – ответил Тау.

– Ну уж нет. Уже давно идет Складка. Когда осталось так мало времени, нельзя пропускать ни дня. А ты сегодня проспал еще более важные новости.

Тау напряженно посмотрел на Джабари.

– Королева едет, – сообщил Джабари.

– Что?

– Королева! Она едет в Керем. Вернее сказать, проезжает по пути в Кигамбе. Тем не менее сегодня после обеда будет здесь.

Королева посещала северную или южную столицу раз в пять циклов, чтобы лично наградить воинов цитадели. На церемонии также чествовали женщин, которые прошли испытание на Одаренных. Избранные испытывали каждую женщину. Это служило обрядом перехода от девичества к женственности.

И поскольку даром обладала только одна из десяти тысяч, способности делали их частью касты, насчитывавшей менее пятисот человек. Они стояли выше всех, кроме Придворных Вельмож, и были обязаны служить. Тау слышал рассказы о том, как цитадель вылавливала женщин, которые скрывали свои силы, чтобы намеренно провалить испытания. Их клеймили и все равно забирали на службу.

Тау вынул из ножен свой тренировочный меч, жалея, что не может вонзить его лезвие Лекану в пах.

– Думаю, нам лучше поскорее начинать, чтобы успеть закончить и увидеть королеву.

Едва лишь Тау вступил в круг, Джабари сразу начал бой. Первый раунд получился болезненным, второй мучительным, а в третьем Тау пришлось сдаться, чтобы извергнуть свой завтрак.

– Гаум? – спросил Джабари, когда Тау вытер недопереваренные кусочки капусты с губ. Он не ответил. Тау едва мог разглядеть Джабари, видя только те черты лица своего друга, что напоминали его брата, Лекана.

– Давай еще раз.

Двое мужчин сражались в кругу, проводя поединок за поединком, и Тау удавалось загонять Малого Вельможу в тупик лишь каждый восьмой или девятый раз. Но этого было недостаточно. Тау хотелось преподать Джабари урок, потому что с Леканом такой возможности ему никогда не выпадет.

Он быстро наступал, заставляя Джабари пятиться назад. Потом Тау нанес Джабари скользящий удар в бедро, от которого остался бы рубец, будь меч настоящим. Это придало Тау сил, и он вскинул меч, чтобы обрушить его на Джабари.

Удар был четким и быстрым, но Джабари оказался быстрее. Малый Вельможа ударил Тау мечом по ногам, задев лодыжки и повалив того в грязь.

Тау застонал. Он стукнулся головой о настил боевого круга, и у него поплыло в глазах. В размытом пятне стоял Джабари и прижимал меч к горлу Тау.

– Богиньей милости, – проговорил Тау, признавая поражение.

Джабари отступил.

– Сик! Чуть меня не подловил. Ты быстрее пустынного скорпиона.

Тау был в гневе.

– Я все.

Джабари не обратил внимания на его тон.

– Теперь и я не против перерыва. Ты меня правда вымотал. Слушай, идем в крепость. Я переоденусь к началу королевской процессии. Тау, пойдешь со мной? Будешь моим акондисе на этой обязательной официальной ерунде?

– Твоим акондисе? – переспросил Тау.

Джабари оказывал ему честь, желая сделать его своим самым доверенным лицом. Как акондисе Джабари, Тау получит шанс увидеть королевскую процессию так близко, как только возможно для Меньшего. В любой другой день эта мысль совершенно бы ошеломила Тау.

– Да, конечно... Нкоси.

– Не называй меня так. И ты мне правда нужен. Стоять рядом с Леканом так долго, не имея возможности ни с кем поговорить, это настоящая пытка. – Джабари ухмыльнулся, как идиот. – Придешь?

Тау кивнул, помрачнев.

Обещания

Тау проводил Джабари в крепость. Там уже было полно людей, и все лихорадочно готовились к встрече. Керем не ждал королевского визита, и прибытие передового отряда, потребовавшего обустроить ночлег для королевы и ее свиты, стало сюрпризом.

Джабари ушел мыться и готовиться, а Тау он велел взять у стражника табард, какие носят акондисе. Значит, у Тау было время, чтобы выполнить свое неприятное дело. Он отправился искать Зури.

Та оказалась во двореке крепости, рядом с баней. Вместе с дюжиной других служанок она стирала белье. Увидев Тау, он просияла, подбежала к нему и обняла. Раньше она не делала подобного на людях.

– Я никогда еще не видела такой суматохи, – рассказала она. – Неужели она в самом деле приедет?

Остальные служанки не отрывались от своей работы, но Тау заметил, что во дворе стало тихо, и чувствовал на себе их взгляды.

– Служанка Уба, у меня к вам просьба от инколели Соларина. Могу я поговорить с вами минуту? – спросил он.

– Разумеется, мирянин Тафари, – ответила Зури, приняв эту серьезность за игру.

Когда они остались наедине, она поцеловала его.

Он отдался этому мгновению, стараясь оттянуть то, что должно было случиться.

– Я по тебе скучал, – признался он.

– Ну и денек, – сказала ему Зури, всего в пяди от его лица.

Тау набрал воздуха в грудь. Он должен был ей сказать, но ее взгляд был напряженным.

– Что случилось? – спросил он.

Она коснулась его лица.

– Меня что, так легко прочитать?

Он встревожился.

– Мне назначили день испытания, – сообщила она.

– Уже? О Богиня, когда?

– На новолуние.

– О...

– Ты будешь с Джабари, на его испытании в тот день. Я знаю.

– Боевые круги не так уж далеко. Вечером мы увидимся.

– Конечно.

– Ты будешь женщиной.

– А сейчас я не женщина?

– Ты самая красивая женщина на свете, – сказал Тау.

Зури стукнула его по руке.

– Мирянин Тафари, хороший комплимент должен быть разумным, чтобы ему можно было поверить. – В ее лице снова мелькнуло напряжение.

– Зури?

– Времени почти не осталось, верно? – проговорила она. – Мирянин Тафари... – Она подчеркивала каждое слово. – Скоро будет Ихаше, и так еще семь циклов, пока ты будешь обучаться, а потом воевать.

– А ты хотела бы иного? – спросил он.

– Не дразни меня. Я знаю, что так должно быть.

Тау взял ее руки в свои.

– Не должно, – сказал он. – Мы можем сами сделать выбор. Он невелик, но мы можем попытаться быть счастливыми вместе. – Он не собирался рассказывать всего. – Может быть, мне не придется воевать. Может быть, я смогу стать полезным в чем-то другом.

– Тау...

– Я рад, что твое испытание близко, – сказал он ей. – Я помогу Джабари, а потом приду к тебе – новоиспеченной женщине. – Он выдавил улыбку в надежде на еще одно мгновение счастья и умиротворения. – Может, ты даже сможешь мне это доказать?

Зури рассмеялась в голос, прикрыв рот от такой непристойности.

– Это вряд ли!

– Значит, позже, – сказал он.

Зури склонила голову набок, и Тау не понял, уловила ли она смысл его слов.

– Пройдет семь циклов, – сказала она, стараясь улыбаться, несмотря на слезы из глаз.

– Я к тебе вернусь. – Это было все, что он мог пока обещать.

Ее глаза смотрели на него, зрачки были большие и глубокие. Он мог жить в этом мгновении бесконечно долго, но нужно было рассказать ей о...

– Зури! Зури, ты где? – позвала служанка. – Госпожа Чионе вернется с минуты на минуту. Я не стану делать за тебя всю работу, бессовестная.

– Кто это? – спросил Тау, шагнув вперед.

– Собираешься защитить меня от грозной Кеси? – спросила Зури, блеснув глазами. – Она примерно такого роста, – она показала уровень плеча Тау, – и у нее очень острый язык. Мне нужно идти, пока не дошло до расправы. Если Кеси выйдет против тебя, ты будешь в опасности.

Она помедлила, позволяя силе предыдущего мгновения вернуться.

– До встречи, Тау Тафари, – сказала она ему.

Тау ненавидел себя за собственную слабость. Он ненавидел себя за прилив облегчения от того, что рассказу о семье Нкиру придется еще подождать.

– До встречи, Зури Уба.

– Иду, Кеси! Иду! – Зури поспешила во двор, но по пути украдкой еще раз взглянула на него.

Тау, еще разочарованный собой, улыбнулся ей. Он был трусом. Урвал поцелуй и отмолчался, вместо того чтобы рассказать любимой женщине о смерти подруги. И скоро он будет стоять на расстоянии вытянутой руки от человека, виновного в убийстве, и ничего не сделает. Он просто трус.

Королева

Тысячи людей выстроились вдоль главной дороги к крепости. Ворота были распахнуты, и Онаи, семья Джабари, стояли под стенами, готовые приветствовать свою королеву. Тау был рядом с ними, одетый в выданный ему табард акондисе.

Он стоял в двух шагах от вымытого и сияющего Джабари. Тот, в свою очередь, был в шаге от своих отца и матери, Афии Онаи, умбуси Керемской. Лекан стоял по правую руку от матери, словно зеркально отражая Джабари. Тау старался на него не смотреть, хотя его рука дернулась над пустыми ножами. Отцу Джабари тоже было не по себе. Страдающий подагрой старик явно нервничал.

Чтобы не наткнуться взглядом на Лекана, Тау смотрел на толпу, протянувшуюся вдаль. За воротами был и Арен, в полном воинском облачении. Вместе со своими людьми он стоял по стойке смирно вдоль дороги. Они должны были удерживать толпу на почтительном расстоянии от королевы, но, как и стражники, расставленные по стенам крепости, это было лишь напоказ. Афия Онаи делала все возможное, чтобы впечатлить монархиню.

Тау заметил, как за клубилась пыль. Королевская процессия достигла последнего холма перед крепостью. Сердце Тау заколотилось, но он сказал себе, что теперь он мужчина, а не ребенок, которого волнуют такие глупости. Облако пыли стало крупнее, показались первые Королевские Стражники, и у Тау участился пульс.

Королевские Стражники были в бордовом, смеси красного и черного – королевских цветов, драконовых цветов. Они шагали в ногу, а за ними следовали самые могущественные люди на полуострове. Королева Циора Омехия, ее чемпион, Предводитель Одаренных и Абаси Одили, нынешний Глава Совета Стражи, приближались к Керему на лошадях.

Тау слышал о лошадях, но не надеялся их увидеть. Звери эти были огромными, хотя дракон все равно мог сожрать любого из них в два приема. Но на драконах люди не ездили, а четверо Избранных сидели на лошадях так, точно этот способ передвижения был самым естественным.

Голоса гремели, и Тау слышал, как народ Керема приветствовал свою новую королеву. Люди напирали на Ихагу Арена, стараясь подобраться поближе, и Тау подумал, что воины выстроились вдоль дороги не только напоказ.

Когда процессия приблизилась, Тау сумел различить детали. Больше всего поражала королева. Совсем юная, со времени испытания ее женственности не могло пройти более одного цикла. Но дело было не в этом. Не в молодости. А в ее красоте.

Кожа у нее была темная, как безлунная ночь, а губы – точно рассвет. Лицо обрамляли изящные скулы, из-под длинных ресниц смотрели глаза в форме миндалин. Платье для езды верхом черного и красного цветов облегалo тело и ниспадало вдоль рук и ног. Вырез на шее при этом обнажал достаточно, чтобы по небольшому феоде вроде Керема пошли сплетни. Она глядела на толпу, улыбаясь, будто была рада увидеть старого друга.

– Хвала Богине, – пробормотал Джабари.

Королевская процессия остановилась, и чемпион, Абшир Окар, поднялся на своей лошади. Тау увидел, что чемпион, в доспехах, окрашенных в цвета крови, огня и скорби, стоял ногами на веревочном приспособлении, которое обвивалось вокруг тела лошади, образуя на спине у животного сиденье.

– Королева Циора Омехия, – произнес чемпион Окар голосом, звучным, как горное эхо, – вторая в своей фамилии, первая среди Избранных Богини, и монархиня полуострова Ксидда, ищет гостеприимства Керема.

Окар был уже не молод, но лишь дурак недооценил бы воина, который был словно высечен из камня. Чемпион, как помнил Тау, занимал первые места все три цикла в Цитадели

Индлову. А закончив обучение, стал Ингоньямой и сражался в бесчисленных кампаниях. Когда чемпион старой королевы Айянны погиб в бою, она попросила Абшира прийти ему на смену.

Настал черед речи умбуси.

– Я, Афия Онаи, умбуси Керемская и подданная королевы Циоры, предлагаю свой дом и благословенные Богиней земли, если моя королева позволит мне ей услужить.

Для мужчины из числа Избранных не было высшей чести или положения, чем стать чемпионом. Это предполагало доступ к королеве, место в Совете Стражи и прочие привилегии.

Хотя запрета на это не было, но королевы в брак не вступали. Они были венчаны со своим народом и, как говорили, никого не любили больше Богини. Зато королевы очень тщательно выбирали себе чемпионов. Чемпион был не просто военачальником. Он давал семя для следующего поколения королевской семьи и, в идеале, становился настоящим супругом.

Хотя и бывало неловко, когда при воцарении новой королевы старый чемпион оставался на службе. В скором времени королеве Циоре предстояло великодушно отпустить Абшира на покой и выбрать своего чемпиона. Монархам были нужны наследники.

После приветствий процессия проследовала в крепость. Тау стоял достаточно близко, чтобы увидеть, что у Абшира было два кинжала Стражи и меч Стражи, который он получил, служа в цитадели. Оружие из драконьей чешуи было невероятным, особенно меч.

На боку у чемпиона висел черный клинок. Без ножен, он был таким темным, словно изготовлен из обсидиана. Но даже издали было видно, что в этом оружии присутствует нечто чуждое. Оно поглощало свет, и Тау, как ни всматривался, не мог разглядеть на его поверхности никаких деталей. Точно оружие пряталось на самом видном месте, и он мог различить только его очертания, но не все целиком.

Это напомнило Тау о Страже в Дабе. Драконья чешуя обманывала зрение, заставляя недооценивать положение и скорость зверя. И если эта способность давала преимущество крупному летающему хищнику, то опытному мечнику – тем более.

– Ты видел? – спросил Джабари. – Она... она...

– Совершенство? – подсказал Тау.

– Да! Точно, совершенство.

– Будешь сидеть с ней за ужином? – спросил Тау.

– Не слишком близко, – ответил Джабари, прикусывая губу. – Она будет рядом с матерью и отцом. И Леканом. Я второй сын, буду поодаль.

– Не переживай, я могу ей про тебя рассказать, – пошутил Тау.

Джабари рассмеялся.

– Согласен. Я буду ближе многих. Я просто... Ты же видел?

– Видел.

– Тогда сам понимаешь. – Он проследил взглядом за королевой Циорой, пока та въезжала на своей лошади в крепость. Мирянин, судя по виду, готовый вот-вот обмочиться, провел свиту к спешно возведенным конюшням.

Тау улучил возможность рассмотреть других королевских сопровождающих. КаЭйд, ехавшая рядом с королевой, была предводителем Одаренных и одновременно военным и религиозным советником с полномочиями членов Совета Стражи.

– А что КаЭйд здесь делает? – спросил Тау.

Джабари мотал головой в такт покачивающейся в седле королеве.

– Кто? А, КаЭйд Оро? Она произнесет вступительное слово на церемонии награждения.

– В южной столице?

– Нет, на лодке в океане. Ну конечно, в Кигамбе.

Тау дождался, пока королева исчезнет за поворотом, чтобы задать следующий вопрос.

– А за ними кто ехал, Глава Совета Стражи?

– М-м? – Королевы уже не было видно, но Джабари вытянул шею, надеясь взглянуть на нее в последний раз.

– Это с ними был Абаси Одили?

– Да, – ответил Джабари. – Он будет наблюдать за испытаниями этого цикла.

– Ты мне не говорил, что Глава Совета Стражи будет на испытании. – Тау задумался над этой новостью.

– Я же не все тебе рассказываю, – отозвался Джабари, смирившись с тем, что королева Циора больше не покажется. – Слушай, а ты заметил тех двоих позади него?

– Огромных таких? – переспросил Тау.

– Тот, что крупнее, это Деджен Олуджими. Он охранник Абаси, его личный Ингоньяма.

– О Богиня, – пробормотал Тау. Тот был настоящим исполином. Тау не мог даже вообразить, каким он становился в ярости.

– Он считается лучшим воином на всем полуострове.

– Ты бы с ним справился, – пошутил Тау.

– Влегкую, – ответил Джабари, криво улыбнувшись.

Тау посерьезнел. Он думал о Лекане и о том, что Арэн на самом деле намеревался с ним сразиться.

– Джабари, а как именно происходят кровные поединки?

– Кровные поединки? А что?

– Ничего, мой отец... э-э... один из его людей про них упомянул, – сказал Тау.

– Почему?

Тау пожал плечами.

– Они случаются нечасто, но вообще любой полнокровный воин, любой Ихаше, Индлову или Ингоньяма, может вызвать любого другого. Из любой касты.

Тау это показалось нелепым. Средний Вельможа был крупнее, сильнее и быстрее среднего Меньшего. А если Вельможа был воином, это означало, что он был либо Индлову, либо Ингоньяма. И они уничтожили бы любого Ихаше.

– Большинство кровных поединков случаются, когда двое воинов напиваются и одного застают с женщиной другого, – продолжил Джабари. – Разумный мужчина слишком многим рискует, вызывая другого драться на смерть. И среди Придворных Вельмож такого почти никогда не случается.

– У них охранники, – догадался Тау.

– Если вызвать Придворного, он может сначала выставить вместо себя охранника. Отсюда и Деджен. Советник Абаси Одили гордится тем, что у него самый смертоносный охранник в королевстве. Поэтому он и таскает с собой этого зверя, который чуть поменьше. Он за ним ухаживает.

– Кто это?

– Великий Вельможа Келлан Окар. Он выиграл в свой первый цикл в цитадели и получил себе в покровители Одили. А в этом цикле опять стал первым.

– Окар? Он сын чемпиона Абшира Окара? – спросил Тау.

– У чемпиона нет детей. Келлан – его племянник.

– Значит... Келлан – сын труса? – спросил Тау, вспомнив, что Великого Вельможу повесили за измену.

Джабари шикнул на него и огляделся.

Тау наклонился к нему и прошептал:

– Это же его отца повесили?

– Битва при Квабене, – ответил Джабари. – Одно из наших самых тяжелых поражений. Трус Окар был инколели целого Крыла. Он должен был защищать фланг Ярости. Но когда

хедени напали, он испугался и бросился бежать. Потом сказал, что силы врага были слишком велики и у него не было выбора.

Тау втянул воздух сквозь зубы.

– Из-за того, что его солдаты бросили поле битвы, хедени прорубили весь оставшийся фланг Ярости. В тот день погибло четыре тысячи воинов и девять Одаренных. Девять Одаренных, Тау.

По мере того, как он это рассказывал, шепот Джабари постепенно сменился рычанием.

– Другой инколели, выступая на суде, под присягой поклялся, что трус Окар солгал. Хедени было в несколько раз меньше, чем он говорил. Потом тот идиот стал спорить, мол, хедени обладали дарами, что они возникли из воздуха и так же исчезли. Он...

– Дарами? – переспросил Тау.

Джабари растопырил пальцы возле паха.

– У него, наверное, бронзовые яйца, если он заявил Совету Стражи такое ...

– В Дабе несколько племен действовали сообща. Хотя они так никогда не делают. Что-то изменилось или меняется. Может...

– Не будь дураком. Они...

– Может быть, их дары и правда вернулись, – закончил Тау, не желая, чтобы в такой день его запросто называли дураком.

Джабари сурово посмотрел на Тау.

– Не перебивай меня, – сказал он, сделав значительную паузу, чтобы Тау замолчал. – Богиня ослабила силу даров хедени за их смешение и полностью уничтожила их, когда они решили сражаться против нас.

Тау знал Джабари всю свою жизнь. Он знал, когда Малый Вельможа был на грани гнева, и хорошо умел обратить его недовольство в улыбку или даже смех. Благодаря этому они хорошо ладили.

Однако в то утро, когда был убит Нкиру со своей семьей, Тау не мог играть свою роль. Он покачал головой, показывая, что не согласен с Джабари. Это была мелочь, маленький акт неповиновения. Но лицо его высокого друга помрачнело.

– Ты думаешь, для Вельмож это имеет значение, – проговорил Джабари, – были ли у хедени в тот день чудесные дары или нет? Мы не повесили отца Келлана Окара за ложь. Не это было его преступлением. Мы повесили его за трусость, за то, что он показал себя недостойным того, чтобы считаться мужчиной. – Джабари шагнул ближе и посмотрел на Тау сверху вниз. – Мы повесили его за то, что он вел себя, как Меньший.

Тау почувствовал жар на шее, но он пристально смотрел на Джабари, не желая отступать или отводить взгляд. Его не заботил ни Окар, ни его преступления, однако слышать от Джабари такое сравнение, узнать, что тот столь низко ставит жизнь Меньшего, ему было обидно. Если сам Джабари так считал, то понятно, насколько просто Лекану было убить целую семью Меньших.

– Мы Избранные, – сказал Джабари, по-прежнему стоя слишком близко. – Мы сражаемся, мы не сдаемся, и мы не убегаем. Вельможи пытались научить этому Меньших на протяжении многих поколений.

Тау не смог сдержаться:

– Если Избранные не убегают, то почему мы на Ксидде, а не на Озонте?

Лицо Джабари дернулось, и он сжал правую руку в кулак. Тау приготовился к удару, но его не последовало.

– Я пойду, – сказал Джабари. – Пора переодеваться.

– Разумеется... Нкости.

– Увидимся завтра на тренировке, Мирянин Тафари. Будь готов. Я больше не смогу тебе поддаваться. Скоро испытание.

Глава третья

Испытание

Королева Циора уехала в Кигамбе на следующий день, но ее красоту обсуждали до конца лунного цикла. Она пленила сердца керемских мужчин и воображение женщин. Тау видел, что Джабари был совершенно ею сражен, но теперь они общались только во время тренировок, лупя и колошматя друг друга, чтобы подготовиться к предстоящему.

Тренировки не оставляли Тау времени на встречи с Зури, и Арен попросил его не рассказывать ей о семье Нкиру. Тау возразил, что она имеет право знать, но сам почувствовал облегчение от того, что это бремя оказалось с него снято. Но необходимость хранить секрет облегчения не приносило. Чем дольше он был с Зури, тем сильнее ему хотелось все ей рассказать. Тайна, которая могла бы их сблизить, отравляла время, что они проводили вместе, и вынуждала его чувствовать себя виноватым.

Поэтому в утро испытания Джабари, когда они шагали к боевым полям на границе Керема, Тау было не по себе. Он беспокоился об их будущем с Зури, об их дружбе с Джабари и о том, что с ними был Лекан вместо отца Джабари, который из-за приступа подагры остался в Кереме.

В походе на испытание отцу Тау пришлось впервые встретиться с Леканом после того, как стало известно о судьбе семьи Нкиру, и это, наряду со всем остальным, создавало у Тау ощущение, будто он шагает через гнездо хищных муравьев. Его еще не укусили, но это может случиться на каждом шагу.

Тяготясь переживаниями, Тау украдкой посматривал на Джабари. Это он, Малый Вельможа, сейчас должен был чувствовать давление. На испытании в его руках окажется не только меч, но и судьба Керема, сулившая либо процветание, либо бедность.

- Я в порядке, – сказал Джабари, заметив взгляд Тау.
- Скоро ты скрестишь мечи с лучшими Вельможами Юга.
- Знаю, – ответил Джабари. – Я готов. Арен меня подготовил... с твоей помощью.
- Это замечание было самым любезным, что произносил Джабари в последние дни, и служило щедрым предложением мира, лучшим, на что мог рассчитывать любой Меньший.
- Ты готов. Я знаю, – ответил Тау, надеясь, что это правда.
- Арен поравнялся с ними.
- Как колено?
- Накануне на тренировке Тау с Джабари столкнулись, и Джабари упал.
- В порядке, – ответил Джабари. – Уже сдулось. Чувствую себя нормально.
- Моли Богиню, – сказал Арен своему ученику.
- Всегда. Я готов, – повторил Джабари слова Тау и сверкнул улыбкой. – Я не оплошаю.
- Только случай определит, с кем тебе придется сражаться в первых кругах, – сказал ему Арен. – Помни, что я говорил.
- Джабари постучал себе по виску.
- Я помню. Если будет Ланре, нужно остерегаться замахов сверху.
- Постарайся. Этот финт выбьет твои красивые зубы щитом, пока ты будешь пялиться на его меч. А дальше?
- Сизве очень быстрый.
- Быстрый? Этот тощий ублюдок... О-о, не хочу проявлять неуважение к Вельможе, но этот тощий ублюдок – иньока, только бьет он в два раза быстрее.
- Джабари рассмеялся. Он всегда был смешливым, подумал Тау, но сейчас было не до веселья. Тау посмотрел вверх и вытер едва выступивший пот с бритой головы.
- До боевых кругов оставалось еще тысячи шагов по ровным невспаханым полям между Керемом и Мавасом, под солнцем, подступающим к зениту. Испытание должно было начаться в полдень, а уже шла Складка – было слишком жарко, чтобы что-то росло, и слишком жарко, чтобы собирать урожай. Сражаться в такой духоте было невыносимо, но в этом и состоял смысл.
- Тау снова услышал смех. Джабари перешучивался с одним из Ихагу. Если все пройдет удачно, то Малый Вельможа через три цикла станет полнокровным Индлову. Тау опасался, что Джабари будет не до смеха после сражений с хедени. Он искренне желал самого лучшего для своего друга-Вельможи, но сам он был рад, что нашел для себя иной путь.
- И голову держи прямо, – наставлял Арен Тау. – Смотри на Джабари и других Вельмож. Это отличная возможность. Ты увидишь испытания перед своим собственным.
- Арен положил руку на плечи Тау и прижал его к себе.
- Это важно – видеть, какими отчаянными бывают бои, когда есть ради чего сражаться.
- Тау кивнул и повесил нос, уставившись в землю. Узнай Арен, что он задумал, это разбило бы ему сердце.
- У меня уже есть такой опыт, – сказал он, напоминая отцу, что сражался в Дабе.
- Да, наверное, я забыл, что есть... – Наступила пауза. Казалось, Арен хотел сказать что-то еще. – И все равно, – добавил он, – хотя ты сегодня не сражаешься, не прячь свой меч далеко. Разомнись с Джабари и настройся на бой. Передай своему телу те же чувства и мысли. Это поможет, когда настанет твой черед. Поверь мне.
- Всегда верю, – ответил Тау отцу, когда их колонна сбавила шаг и остановилась.
- Испытание, – проговорил Арен. – Мы пришли.

Острие

Внизу, в небольшой долине, среди поросших кустарником холмов тянулись ровные поля, которые Керем делил с Мавасом. Батрак, готовивший боевые круги, проделал превосходную работу. Камни, обрамлявшие каждый из десяти кругов, были утоплены в землю и выкрашены в красный цвет. Они привлекали внимание, но лежали так низко, чтобы их нельзя было зацепить ногой.

В каждом боевом кругу илистая почва здешней местности была присыпана глиной, принесенной из самого Маваса. Эту глину разгладили, разровняли и дали ей затвердеть под ксидданским солнцем. Она стала идеальной поверхностью для боев.

Вдоль залежных полей над песочно-желтыми палатками Цитадели Индлову высились ее черные флаги. Они были прошиты бронзовыми нитями, благодаря чему выглядели так, будто развевались под сильным ветром.

Тау оглядел поля. Многие Вельможи уже были здесь, и Тау знал: Арен предпочел бы тоже прибыть раньше, но влиятельные Вельможи имели привычку не торопиться, и Лекан, потакая своему тщеславию, также замешкался.

Первенец умбуси стоял во главе колонны, упершись руками в бока и оглядывая собравшихся с таким видом, словно все они были Меньшими. Хотя на самом деле Вельможи, пришедшие посмотреть на испытание своих сыновей, были Лекану ровней, а то и вовсе его превосходили. Некоторые из них, вроде Великого Вельможи Табо Огенекаро, мужа умбуси Кигамбе, стояли много выше феода Керема и его Малых Вельмож.

Тем не менее победа, пусть и ничтожно малая, осталась за Леканом. Солнце уже почти достигло зенита – путь был точно рассчитан. Они пришли последними. Даже Огози из Маваса уже был на поле.

– Спускаемся и начинаем, – сказал Лекан. – Где наше место, Арен?

Отец Тау молча указал на оцепленную зону возле центра поля. Четвертью луны раньше Арен выслал нескольких Батраков и двух Ихагу, чтобы занять им место.

Лекан прикрыл глаза ладонью.

– Хорошо. Оттуда будут видны почти все круги.

Колонна двинулась вперед, и Арен повернулся к Джабари.

– Мы пойдем рассаживаться, а Тау позаботится о твоих доспехах и шлеме. Тебе нужно размяться и отработать движения. Только не перестарайся. Люди будут наблюдать за тобой, они поймут, к каким движениям ты склонен. Не показывай им этого, только самое основное.

– Ваша воля, инколели Соларин, – ответил Джабари. Он сузил глаза и прикусил зубами щеку. Тау понял, что теперь Джабари почувствовал весь груз испытания.

Затем все развивалось очень быстро. Батраки и Ихагу остались на своих местах, а Джабари, разогревшись, принялся одеваться. Тау сделал то же самое, и они устроили тренировочный бой. Арен не просто наблюдал за ними, он сверлил их взглядом. Поправлял то в одном, то в другом, хлопоча вокруг них, точно мать вокруг ребенка, который едва научился ходить. Тау старался держать «голову ровно», но энергия полей не давала сосредоточиться.

Туда-сюда сновали Меньшие, которые прислуживали своим господам. Ихагу либо стояли на дозоре возле Вельмож, либо искали места, откуда была бы удобно наблюдать за ними. Батраки выкапывали выгребные ямы, разносили еду или предлагали молодым воинам воду, влажную охлаждающую одежду и картофельное пюре для быстрого прилива энергии. Полнокровные Индлову тем временем бродили по полям с таким видом, будто эта земля принадлежала им.

Индлову выглядели настоящими титанами, все до единого. Большинство было головы на полторы выше Тау, каждый обладал такой мускулатурой, о какой Тау даже не мечтал, а некоторые, казалось, могли раздавить камни голыми руками. Он смотрел на них с благоговением.

– Я схожу к твоему брату, – сказал Арен Джабари, не желая использовать почетное обращение. – Он подпишет официальные документы для твоего испытания, и я вернусь. Поединок начнется уже скоро. Будь готов. – Но прежде чем Арен успел повернуться, Лекан сам подошел к ним. С ним был пожилой Вельможа и молодой человек возраста Тау и Джабари.

– Арен, – сказал Лекан. – Есть задание. – Он указал на Вельможу, который стоял рядом. – Это нкosi Изем Окафор и его второй сын, Кагисо.

Несходство между мужчиной и его сыном не могло не броситься в глаза. Изем Окафор был высок и сухощав даже для Вельможи. У него было строгое лицо и длинные пальцы, а кожа хорошо смазана маслом, несмотря на жару. Он весь блестел, но пот у него не выступал, и Тау удивился, как такое возможно.

Однако сын был ненамного выше Тау. Пухлый, с глубоко посаженными глазами и кожей цвета светлого почвенного слоя, а не темно-земляного, как обычно у Избранных.

– Кагисо выпал один из первых поединков, – сообщил Лекан, – но ему не с кем разогреться.

Арен предупреждающе сверкнул глазами.

– Полагаю, – продолжил Лекан, – твой сын мог бы помочь Кагисо в этом.

– Я был бы перед вами в долгу, – сказал Изем Окафор мелодичным голосом – неожиданным для его внешности. – Я желаю предоставить Кагисо все возможное, чтобы он смог преуспеть.

– Не сомневаюсь, – сказал Лекан.

Арен был вне себя. Он это скрывает, думал Тау, но вне себя.

– Тау, разомнись с нкosi Кагисо, – сказал Арен, исполняя приказ, но не ответив Лекану. – Нкosi Джабари, пожалуйста, не прекращайте упражняться. Я вернусь, как только в цитадели зарегистрируют ваши документы.

И отошел, ничего не сказав Лекану и не извинившись, отчего старший Окафор даже приподнял бровь.

Лекан старался сохранить самообладание.

– Да-да. В этих делах вечно такая спешка, – сказал он, будто присутствовал на испытаниях каждый год.

– Пойдемте, Изем?

Изем Окафор наклонил голову, и они отошли. Тау заметил, что Изем не обменялся с сыном ни единым словом.

– Рад встрече, Джабари, – произнес Кагисо, и его голос, как и у его отца, оказался не под стать ожиданиям. При всех своих габаритах Кагисо говорил так, будто у него еще не опустились тестикулы.

– Кагисо... – произнес Джабари, продолжая упражняться.

– Не видел тебя с праздника Роста в Мавасе.

– Неужели прошло столько времени? – ответил Джабари, повернувшись к грузному Вельможе спиной, пока он отрабатывал комбинацию толчка – подсечки – ответного выпада.

– Нам стоит начать, нкosi, – обратился Тау к Кагисо.

Кагисо повернулся к Тау, оглядел его сверху донизу и снова обратился к Джабари.

– Что за ужасное зрелище это испытание. Жизнь Вельможьего сына, да? – Ухмылка Кагисо обнажила ряд зубов, пожелтевших от листьев каллы.

Джабари пробормотал в ответ что-то невнятное.

Кагисо, разочарованный, переключил внимание на Тау.

– Ладно, Меньший, давай уже позанимаемся.

Тау отошел на несколько шагов от того места, где разминался Джабари.

– Нкоси, вам принести ваш тренировочный меч? – спросил он, увидев, что у Кагисо при себе был только заточенный бронзовый.

– Мы просто слегка потренируемся, – ответил Кагисо. – Ходить за ним долго, а мой поединок уже скоро. Начнем.

Тау хотел было возразить, но Кагисо вынул меч и уже атаковал. Тау отпрянул и, опасаясь получить ранение, стал обороняться. Кагисо воспользовался возможностью прибавить темп и принялся напирать сильнее.

Тау старался отвечать достаточно агрессивно, чтобы держать его на расстоянии. Если он пропустит удар, травма будет серьезной. Он хотел еще раз спросить Кагисо, не желает ли тот все-таки взять тренировочный меч, но после пары схваток понял, что Кагисо не умеет обращаться с оружием.

После этого открытия озабоченность Тау сменилась удивлением. Из всех Вельмож он скрещивал мечи только с Джабари и считал, что все остальные столь же умелы. Рубящий стиль Кагисо тотчас развеял это убеждение, и Тау задумался: ему попался слабый противник или Кагисо показывал обычные для Вельмож навыки? Если последнее, то Джабари быстро расправится с теми, кто ему попадется.

Однако более вероятно то, решил Тау, что Кагисо – просто Вельможий сын, который отлынивает от своих обязанностей. Иметь сына, который не отберется в цитадель, было для Изема Окафора тяжело. Кроме того, это уменьшило бы шансы Кагисо на хороший брак.

– Эй, Тау! – крикнул Джабари, через секунду с неохотой добавив: – Кагисо!

Джабари, не прекращая упражнений, кивнул головой в сторону.

– Смотрите, – сказал он, – это Джавьед Айим, он раньше был в Совете Стражи.

Тау поднял глаза. Это был Меньший, облаченный в серые одежды воина Ихаше. Средних лет, высокий и крупный, почти как Вельможа. Тау присвистнул и повернулся обратно к Джабари.

Его друг улыбался, и даже с расстояния в несколько шагов Тау видел его озорной взгляд.

– Как говорит мой отец, он под стать многим Индлову.

Кагисо попался на обманный маневр и усмехнулся.

– Меньший так хорош, что сравнится с Индлову?

– До этого, наверное, слишком далеко, – ответил Джабари, – но судя по тем навыкам владения мечом, что я наблюдал сегодня, он наверняка легко справился бы по крайней мере с некоторыми из нас.

Кагисо поджал губы, и ноздри у него раздулись, как оборка у скальной ящерицы, но Джабари не удостоил его вниманием, обратившись к Тау:

– Когда пройдешь испытание, – сказал он, – сделай все, что сможешь, чтобы Джавьед тебя заметил. Тебе нужно тренироваться у такого, как он... Может, он даже изменит твое мнение насчет Ихаше.

Тау кивнул и еще раз взглянул на бывшего советника, ставшего наставником. У того была квадратная челюсть, густые брови, а выправка выдавала в нем настоящего воина. Нетрудно было представить, как он обращался с мечом.

Рядом с ним стояли двое мужчин покрупнее, и Тау в одно мгновение узнал их, хотя на них не было формы. Джавьед Айим пришел в компании Деджена Олуджими и Абаси Одили, Главы Совета Стражи.

– Он с Советником Одили и... – начал Тау, перед тем как увернуться от размашистого удара Кагисо.

Чуть не лишившись равновесия, Тау блокировал еще один удар, отбил третий и упал на колени, чтобы увернуться от четвертого, нацеленного ему в шею.

– В пепел с углями! – крикнул Тау, вставая. – Вы с ума сошли... нкоси?

– Внимательнее, Меньший! Ты бьешься с Вельможей.

– Полегче, Кагисо, – сказал Джабари. Он перестал упражняться и теперь наблюдал за их боем. Джабари заметил, как Кагисо замахнулся, целясь Тау в голову. – Это же тренировка. Почему у тебя острый клинок?

Кагисо не ответил. Он продолжал наседать на Тау, размахивая мечом, будто пьяница, пытающийся поймать муху.

– Успокойся! – прошипел Джабари. – Сюда уже идут.

Тау рискнул оглянуться, но тут же едва не остался без носа и был вынужден сосредоточить все свое внимание на Кагисо. Когда здоровяк снова двинулся к Тау, в глазах Кагисо читалась жажда крови, но Тау не собирался рисковать.

Он блокировал удар Малого Вельможи и, шагнув вперед, навалился на него. Кагисо пошатнулся, оступился и упал на землю.

Джабари залился было смехом, но тут же его подавил. Кагисо, сидя на ягодицах, злобно сверкал глазами. Затем его взгляд скользнул Тау за спину, и лицо Вельможи стало безумным. Тау опасался, что ранил Кагисо и ему придется молить о прощении, но тот вскочил на ноги и, выставив вперед наточенное лезвие, бросился на него.

– Да прольется кровь! – вскричал Кагисо.

Тау понятия не имел, что этот идиот задумал, но теперь ему было не до церемоний. Когда Кагисо неуклюже кинулся на него, Тау юркнул в сторону и обрушил свой клинок Вельможе на спину. Кагисо упал и, тяжело коснувшись земли, ударился об нее, будто неудачно брошенный в пруд камень.

– Отсева ради, вы что делаете? – спросил Тау, покрасневшись от прилива крови и позабыв об извинениях.

Тот простонал, затем поднял голову: из носа у него полилась кровь. Нос Кагисо был сломан, и теперь Тау встревожился. С колотящимся сердцем он обернулся, и его тревога переросла в ужас.

Позади стояли Глава Совета Стражи и охранявший его Ингоньяма, а также Джавьед Айим, Лекан и отец Кагисо. Тау перевел взгляд на Джабари, прося помощи, но тот смотрел на него так, словно он был весь покрыт шрамами проклятия.

Над боевыми полями повисла тишина, никто даже не шевелился, и Тау почувствовал себя так, словно ему снится кошмарный сон. А потом стало еще хуже – Советник зааплодировал.

Довольно

– Что ж, любопытно, – проговорил Абаси Одили, подходя к Кагисо и наклоняясь над лежавшим на земле Вельможей. – Ты кто? – Из-за его пальмского акцента слова, произносимые Советником, слипались вместе, будто были смазаны жиром. Кагисо издал стон, и Одили пнул его ногой. – Отвечай.

– Кагисо, Кагисо Окафор, – выдавил тот.

Тау никогда не видел, чтобы с Вельможей обращались таким образом, и перевел взгляд на отца Кагисо. Тот стоял всего в нескольких шагах от сына, но ближе не подходил. Выпрямившись, он молча наблюдал за юношей, попавшим в сложное положение.

– Кагисо... – повторил Одили, выпрямляясь и поворачиваясь к растущей толпе. – Что ж, нам следует поблагодарить нкоси Кагисо. Он сберег для нас уйму времени.

В толпе забормотали.

– Кагисо, – продолжил Одили, – уступил Меньшему. – Он оглядел Тау своими черными зрачками, сверкавшими на посуровевшем под полуденным солнцем лице. – Низшему Мирянину. – Одили поднял меч Кагисо. – Он сражался отточенной бронзой против тренировочного меча Мирянина. – Одили щелкнул языком и приподнял уголки рта. Это точно не было улыбкой. Ничего общего с улыбкой. – Индлову, мы уходим в Кигамбе. Если этих южных Вельмож могут превзойти Миряне, то для цитадели никто из них не годен.

Одили пошел прочь, и бормотание в толпе сменилось недовольными криками. Тау заметил в толпе отца. Арен был почти в панике. Лекан, стоявший рядом с ним, дрожал от гнева. Тау хотел было броситься к Арену, чтобы объяснить, что произошло с Кагисо, но Джабари раздраженно бросил меч на землю. Все пошло не так, и это из-за Тау.

– Советник Одили! – крикнул Тау, стараясь заглушить гул недовольной толпы и надеясь, что обращается к нему правильно. – Советник Одили, прошу вас. Нкоси...

Арен тотчас оказался рядом с сыном, желая оттащить его прочь. Тау не давался. Он должен был все исправить. Одили остановился. Это был шанс.

По-прежнему стоя спиной к нему, Советник сказал:

– Тебе, Мирянин, повезло, что я тебя не повесил за нападение на Вельможу. Возвращайся в свою грязную дыру, пока я не передумал.

Тау не поверил своим ушам. Не повесил? Нападение на Вельможу? И он позволил отцу увести его.

– Это все из-за твоей снисходительности к этому Низшему Мирянину, – прошипел Лекан Джабари.

Тау не думал – он действовал. Он повернулся к Лекану, человеку, который пытался взять силой Анью, а потом убил всю ее семью.

– Я бился с Кагисо честно, – проговорил он возмущенно, – и, Мирянин я или нет, я оказался лучше. Я лучше, чем вы!

Рука Тау потянулась к рукояти меча, и Лекан, брызнув слюной, сделал шаг назад. Все, кто слышал слова Тау, разом заговорили, закричали, пока Одили не поднял руку, приказывая умолкнуть. Когда установилась тишина, он произнес еще несколько слипающихся слов.

– Келлан, – сказал он, и его голос разнесся в толпе за его спиной, – этот Меньший вбил себе в голову опасную идею, будто он владеет мечом.

Как море перед носом корабля, толпа расступилась, и из нее вышел Келлан Окар. Племянник чемпиона был словно целиком высечен из гранита, и все же гранит в сравнении с ним был слишком мягок.

– Он, похоже, владеет мечом настолько, насколько ему нужно, – проговорил Келлан. – Но разве будущий Батрак стоит нашего времени?

Тау ошетинился – этот выпад попал в цель. Отец сдвинул его предплечье так сильно, что мог бы сломать ему кость.

– Ты не понял, – проговорил Одили. – Я не спрашиваю.

Келлан посмотрел на Тау, потом снова на Одили. Сжав челюсть, он встретился с Советником взглядом. А через мгновение отвел глаза. Затем неторопливо обнажил меч и выступил против Тау.

Все казалось Тау нереальным. Начиная с толпы вокруг, с горы мышц перед ним и заканчивая ухмыляющимся лицом Лекана – все. У Тау заколотилось сердце, рука еще крепче сжала тренировочный меч, и он посмотрел на отца. Арен его будто бы не замечал. Он все так же крепко сжимал руку Тау, но смотрел на Одили и Келлана.

– Советник Одили, это мой сын. Он едва успел стать мужчиной и еще не прошел испытания. Я полнокровный Ихаше, у меня статус воина. Я выступлю вместо него.

Арен вытащил меч и оттолкнул Тау в сторону своих Ихагу. Те приняли его и крепко схватили, когда Арен подошел к Келлану Окару.

– Отец! – крикнул Тау, но теперь его удерживало несколько рук.

Одили разжал губы. Казалось, он откажет Арену в просьбе занять место Тау. Но Арен не дал ему такой возможности. Он бросился на Келлана, и они скрестили клинки, зазвенев металлом и рассыпая искрами. Толпа взревела, образовав собой стену из человеческой плоти, и протест Одили угас сам собой, когда воины принялись кружить напротив друг друга.

Келлан был крупнее и гораздо моложе. Однако он был лишь посвященным, то есть прошел только две трети обучения. Тау, как и все, слышал о репутации цитадельских Индлову, но его отец был лучшим воином Керема.

Келлан ударил, стремительно взмахнув мечом по дуге. Арен выставил блок, направив клинки вниз, но атака Келлана оказалась достаточно мощной, чтобы отвести лезвие Арена назад. Ни на одном из воинов не было доспехов, и клинок Арена отскочил, резанув его по боку. Отец Тау ахнул от боли и попятился назад, а Келлан стал напирать, нанося удар за ударом, он колот и рубил, используя такие движения, каких Тау в жизни не видел и не мог даже уловить – до того те были быстры.

Арен уперся спиной в стену людей, и они толкнули его обратно в центр круга. Кровь шла у него из руки, бока и ноги, а Келлан снова бросился на него. Арен получил локтем в лицо и рукоятью в живот, а когда его ударили мечом плашмя, припал на колено.

– Они жульничают. Они используют дары, – сказал Тау, оглядываясь в поисках Одаренных, прячущихся в толпе Разъяряющих.

– Нет, не используют, – ответил один из Ихагу.

– Заканчивай, – проговорил Абаси Одили, и Тау наконец понял. Это был кровный поединок, бой на смерть.

Тау весь дрожал от напряжения, не способный двигаться в руках державших его людей. Он толкался и пихался, пока не удалось вырвать руку. Он дал пощечину одному, а другого боднул головой. Оказавшись на свобод, кинулся к отцу, который в этот самый момент от ударов упал на оба колена.

Тау уже был в трех шагах. Отец смотрел оторопело и истекал кровью, держа меч лезвием вниз. Келлан занес меч и ударил.

– Нет! – вскричал Тау на бегу, видя, как сверкающее лезвие прожигает воздух.

Арен поднял меч, чтобы защититься. Келлан ударил его по запястью, отрубив кисть руки. Тау увидел, как меч отца отлетает в сторону. Все казалось нереальным. Отец закричал и рухнул на землю.

Келлан отступил и объявил толпе:

– Довольно. Я отнял у него все, что делало его мужчиной. Сыновий проступок оплачен сполна.

Не найдя ничего, обо что можно было бы вытереть меч, Келлан держал его на весу, подальше от себя, и направился туда, откуда явился.

– Стой! – воскликнул Тау. Он не помнил, как взял меч отца в руки, но теперь он держался за его красную и липкую рукоять. И стоял, нацелив клинок Келлану в спину.

– Положи его, мальчишка, – раздался голос Джавьёда Айима, бывшего члена Совета Стражи. – Ты угрожаешь Великому Вельможе.

Келлан повернулся к Тау, и тому хватило рассудка, чтобы ощутить страх. Арен уцелевшей рукой вцепился Тау в ногу, пытаясь оттащить его на безопасное расстояние, но было слишком поздно. Советник Одили открыл рот.

– Деджен, – сказал он, призывая своего охранника.

Тот с невозмутимым лицом вынул свой полуночно-черный меч и вошел в круг.

– Пощадите! – взмолился Джабари.

– Здесь я выступаю за феода Керем! – вскричал Лекан. – Советник, я поддерживаю вашу волю.

– Одили, довольно, – сказал Келлан, широко расставив руки.

Одили кивнул головой, и Деджен метнулся вперед, ударив черным мечом так глубоко Арену в грудь, что тот пронзил его насквозь. Арен застыл на месте, открыв рот, и не прошло мгновения, как Ингоньяма вынул лезвие и взмахнул им над Тау, обрызгав ему лицо и одежду отцовской кровью.

– Вот теперь довольно, – сказал Одили.

Храбрый

Меч выскользнул из пальцев Тау, когда он осел на землю рядом с отцом.

– Советник, это зашло слишком далеко! – произнес Джавьед Айим поверх шума толпы.

Тау обхватил Арена, говорил с ним, произносил слова, не имевшие смысла. Говорил только затем, чтобы привлечь его внимание, ведь пока отец его слушал, он оставался с ним.

Взгляд Арена был рассеян. Он то устремлялся на Тау, то ускользал, затем, с явным трудом, возвращался. Он шевельнул губами, но не издал ни звука. Он не мог – только из его груди с каждым вздохом вылетали ужасные хрипы.

– Отец? Отец! Да... – сказал Тау, когда по лежащему в крови телу человека, который всю жизнь заботился о нем, пробежала судорога. – Да! – Но было слишком поздно. Отец Тау ушел и больше ничего не слышал.

Шум боевых полей нахлынул на него всей своей мощью. Казалось, кричали все, а потом сквозь шум прорезался голос Одили.

– Этот Меньший настоящий воин, – произнес он, указывая на мертвого отца Тау, – сразился в кровном поединке за своего сына. Сына, который напал на одного Вельможу, а затем поднял меч на другого.

Суматоха так и не утихала.

– Я вижу, ты не удовлетворен, – продолжил Одили, подходя к Тау с мечом в руке.

Тау наблюдал за ним. Но с места не двигался. Вместо него выдвинулся Джавьед Айим. Он встал рядом с Тау, держа одну руку над мечом, а вторую выставив перед Советником, преградив Одили путь.

– Нкоси... – начал он.

Одили пронесся мимо и нанес смертельный удар. Тау даже не вздрогнул, пока не услышал скрежет металла – лезвие Одили встретилось с мечом Джавьеда.

– Мир, – проговорил Джавьед, с напряжением удерживая мечом оружие Одили подальше от головы Тау.

Тау не заметил, как приблизился охранник Одили, но теперь громила уже прижимал кончик меча к щеке Джавьеда, выпустив из нее яркую капельку крови.

Советник Одили поднял меч и отступил. Деджен чуть глубже вдавил клинок Джавьеду в кожу, вынуждая того отступить.

– Мир, говоришь? Ты что, знаешь только одну ноту, Джавьед? – спросил Одили. – Ты больше не член Совета, и, как бы ты ни прихорашивался, Богиня и все на свете видят, что ты лишь Меньший. Думаешь, далеко упал от яблони? Можешь упасть гораздо дальше.

– Советник Одили желает проявить милосердие, – крикнул Джавьед толпе, не отводя глаз от Одили и не обращая внимания на нависшего над ним Ингоньяму.

Одили рассмеялся, натянув мышцы лица так, чтобы выдавить тусклую улыбку. Затем убрал меч в ножны и дал Деджену знак отступить. Деджен отвел кончик клинка от лица Джавьеда и опустил к его сердцу, но затем отошел.

Одили говорил тихо, обращаясь только к Джавьеду, но Тау все равно его слышал:

– Держи свой мир, Джавьед. – Губы Одили, словно их уголки растянули крючки, расплылись в ухмылке. – Это большее, на что ты можешь рассчитывать. – И, возвысив голос, обратился к толпе: – Просили милосердия, и вот оно. Отец Меньшего был наказан. Мальчика я оставляю его феоду.

Он произнес слова так, будто они должны были вызвать овации у толпы южан. Их не последовало. Одили невозмутимо похлопал Джавьеда по плечу, словно они были величайшими друзьями, и прошептал:

– Ты был паразитом. Старая королева не позволила бы мне тебя прихлопнуть, но теперь она умерла. Еще раз встанешь у меня на пути, и этот шаг будет последним в твоей жизни.

Одили еще раз хлопнул Джавьёда по плечу, рассмеялся с таким видом, точно они обменялись шутками, и отошел. Огромный Деджен, охранник Одили, двинулся за ним. Следом, с отвращением на лице, ушел Келлан Окар.

Тау ничего не понимал. Отец бы ему помог. Он пытался его разбудить. Арэн часто глубоко засыпал после тяжелых дней.

Тау на плечо легла рука.

– Он мертв. – Это был Джавьед.

Тау поднял глаза.

– Мой отец... – Тау не ощущал ни земли под ногами, ни зноя от солнца. Он огляделся. Рядом стоял Джабари, чуть дальше Лекан. Тау увидел Кагисо – тот лежал на земле. Пухлый Вельможа, все еще с окровавленным носом, потирал бок, куда его пнул Одили.

Мысль о Советнике подстегнула Тау. Он опустил отца на землю, оставив его в покое, и потянулся за мечом Арена. Сильная рука с грубыми пальцами взяла Тау за запястье.

– Сожалею о твоей потере, – проговорил Джавьед, убирая меч подальше от него. – Твой отец был очень храбрым. Он знал, что если встанет в круг, чтобы сразиться с Келланом, то не уйдет живым. Даже Избранные меркнут в сравнении с ним. – Джавьед подозвал ихагу, служивших Арену. – Идите, заберите вашего человека. Отнесите его домой и сожгите.

Ихагу с готовностью выполнили указание. Тау не хотелось, чтобы они трогали его отца. Ему хотелось выхватить меч у Джавьёда и добраться до Одили, Деджена и Келлана. Но он не сделал ничего.

– Нкоси, – проговорил Джавьед, обращаясь к Лекану, – этот Мирянин из вашего феода? – Он спрашивал о Тау.

– Да. Да, конечно, – ответил Лекан.

– О нем позаботятся?

– Что? Да, да. Можете быть уверены, я о нем позабочусь, – ответил Лекан. – А испытание?

– Нкоси?

– Мой брат, мы все – мы здесь ради испытания.

Джавьед не ответил. Он отдал Тау меч Арена и ушел.

– Что этот проклятый Меньший о себе возомнил? – сказал Лекан керемским мужчинам, окружившим его, достаточно тихо, чтобы Джавьед его не услышал.

Ихагу унесли тело Арена прочь, и Тау остался бы стоять на коленях, пока не зашло солнце, если бы Джабари не увел его за собой.

– Я их убью, – сказал ему Тау сквозь слезы. – Клянусь Ананти и Укуфе, я убью их всех.

Изгнан

Домой возвращались в молчании. Джабари выслал гонцов предупредить, чтобы в крепости уже к ночи готовили ритуальное сожжение. Тау шагал, не замечая, где они идут и сколько еще осталось. Он шагал, когда Джабари шел рядом с ним, и шагал, когда его там не было. Он шагал, когда солнце палило и когда оно скрылось из виду. Они шагали и после заката, одолевая низкие скалы Керемских гор. Но все это не имело значения.

– Напыщенный говнюк, – заметил Лекан, подходя к Джабари. – Разве Одили вообще имеет право отменять испытание? Треклятые пальмские Придворные ведут себя так, будто вышли из золотой щелки самой Богини. – Лекан крикнул собственной шутке, но ни оттенка веселья в этом звуке не было. Пока Джабари не получил места в цитадели, положение семьи Онаи оставалось рискованным. – И что будешь делать? Нам нужно, чтобы ты служил. Мы не можем платить повышенный оброк.

– Пойду на север, – ответил Джабари. – У них испытание еще только будет.

– Когда оно будет? В этом сезоне десятину нужно к...

– Сейчас не время, Лекан.

– Почему нет? Потому что твой Мирянин на побегушках сунулся куда не надо и его отца...

Лекан не закончил. Тау наскочил на него, повалил на землю и ударил в лицо. Затем занес руку, чтобы ударить еще, но Джабари его оттащил. Тау тут же поднялся на ноги, готовый атаковать.

– Убить его! – завопил Лекан с заплывшим левым глазом. Ихагу окружили Тау, оттесняя его от обезумевшего Вельможи.

– Убить его! – кричал Лекан.

– Они этого не сделают, – сказал Джабари.

– Он на меня напал. Я наследник Керема.

– Вставай.

– Он на меня напал. Он сорвал твое испытание. У меня будет...

– Заткнись! – рявкнул Джабари, отчего его брат вздрогнул, а потом повернулся к Тау. – Высший Мирянин Тау Тафари, вы напали на моего брата, Вельможу, и наказание за это преступление – смерть через повешение.

– Ладно, я сам это сделаю! – воскликнул Лекан и потянулся к своему клинку.

– Все здесь знают, что это преступление и какое за него положено наказание, – объявил Джабари Ихагу и Батракам, которые были с ними, и Тау в том числе. – Также мы знаем, чего стоил тебе этот день, и из любви, которую я питал к твоему отцу, я приму это во внимание, когда буду судить тебя.

Тау похолодел. Он знал, что Джабари говорил с ним, но это его не заботило, и ничего поделать с собой он не мог.

– Я не могу игнорировать твое преступление, но как второй сын феода Керема и как непричастный Вельможа, не относящийся к потерпевшей стороне, я смягчаю твой приговор. – Джабари сглотнул и прочистил горло. – Тау Тафари, ты можешь посетить сожжение твоего отца сегодня, но, когда взойдет солнце, в Кереме тебе больше не будет места.

Лекан в нескольких шагах от него вытащил меч из ножен.

– Довольно изгнаний, Джабари. Я совершу свое правосудие.

Джабари встал у брата на пути.

– Еще шаг, и тебе придется совершать его через мой меч.

Тау посмотрел на двоих Вельмож перед собой. Один из них, его друг с самого детства, только что изгнал его из единственного дома, который у него был.

– Ты можешь обжаловать мое решение, изложив суть преступления умбуси Онаи и предложив изменить наказание, – сообщил Джабари Тау, не сводя глаз с Лекана. – Но имей в виду, что она может строже отнестись к тому, что Меньший ударил ее наследника.

– Джабари... – прорычал Лекан хищно, агрессивно, что резко контрастировало с опущенным клинком и явным нежеланием подходить ближе.

– Иди, Тау, – сказал один из ихагу, подчиненных его отца. – Иди.

Тау посмотрел в сторону говорившего, но не смог его найти, и повернулся к Джабари и Лекану спиной, ненавидя обоих так сильно, что у него тряслись руки. Он ненавидел их всех.

– Иди...

Его плеча коснулась рука, побуждая идти дальше, и у Тау все расплылось перед глазами из-за слез. Отец был мертв. Слезы лились сильнее, и, не желая покрывать себя большим позором, Тау стряхнул руку с плеча и шагнул вперед.

Он двигался рывками, шатаясь, будто перебрал гаума и не мог обрести равновесие. Он думал, что шагнувший рядом ихагу протянет руку и поддержит его. Но все отстранились от него, предоставив его самому себе, а Лекан, очевидно, поняв, что его требования останутся невыполненными, держал язык за зубами.

Спустя один или два промежутка Зури нашла его в доме, который больше ему не принадлежал. Тау собирал то небольшое, что у него осталось. Она подбежала к нему и обняла.

– Тау, – сказала она, – Мне так жаль. Ей-богине, мне так жаль.

Тау не мог вынести прикосновения, но не решался отстраниться.

– Сегодня мы придем на сожжение, а потом покинем феода, – сказала она. – Мы уйдем из Керема и оставим все это позади.

– Мне нечего тебе дать, – сказал Тау.

– Дать? Я хочу быть с тобой. Я не останусь в Кереме без тебя, и они не заставят меня остаться. – Она говорила торопливо, задыхаясь, широко раскрыв глаза. – Я... я прошла испытание, но это неважно. Тау, они не заслуживают нас. Мы...

– Испытание? – Тау обнаружил, что еще был способен удивляться. – Ты... ты Одаренная?

Она не ответила, в этом не было нужды.

– Если мы уйдем сейчас, если уйдем вместе...

– Одаренная. Я знал, что ты особенная.

– Мы можем...

– Нет, – сказал Тау. – Не можем. Они дойдут до края Ксидды, чтобы тебя вернуть.

Спорить с этим было невозможно. Это была правда.

– Одаренная, – повторил он. Слово казалось таким чужим, словно это был другой язык. Тау отвернулся и закрыл глаза. У него стучало в висках. – Я собираюсь убить их, Зури. Я собираюсь убить тех, кто это сделал.

– Кого? Вельмож?

Тау схватил в охапку последние вещи.

– Тау, если ты убьешь Вельможу, они казнят твоих сестер, твою мать и ее мужа. Проверят, есть ли у тебя двоюродные сестры и братья, тети, дяди, и убьют всех, кого смогут, а потом повесят тебя, вскрыют тело и оставят гнить на солнце.

Тау пристегнул к поясу отцовский меч и свой собственный – доставшийся ему от деда. И вышел из крошечной хижины в сумерки.

– Они отнимут и твою жизнь, – сказала Зури.

Он не остановился, и она догнала его, взяла за руку и развернула к себе лицом.

– Не делай этого, – сказала она. – Пойдем со мной на сожжение твоего отца. Тебе... тебе не обязательно быть со мной, – продолжила Зури, – но не отказывайся от своей жизни и от всего, чего ты достиг.

Тау взял Зури за руку. «Одаренная, – подумал он. – Мало было Вельможам истребить семью Нкиру и убить его отца. Они еще и Зури отняли».

– Прощай, леди Одаренная, – произнес он, использовал звание, которое вскоре будет ей дано. Звание, которое относилось его любимую к элитной касте, превосходившей всех, кроме Придворных Вельмож. Зури Уба стала для него почти так же недостижима, как звезды на небе.

Она покачала головой.

– Тау, прошу, не делай этого.

Он покинул ее и зашагал в Дабу. Когда она уйдет, он вернется обратно. Он не хотел, чтобы Зури знала, что он собрался в крепость. Он не хотел, чтобы она знала, что он собирается нанести визит Лекану Онаи.

Лекан Онаи

Лекан был вне себя. День выдался изнурительным, а вечер – и того хуже. Он был вынужден рассказать матери о том, что случилось на испытании. Присутствовавший при этом Джабари поправлял каждое сказанное им слово. Мать была в бешенстве, а мягкосердечный отец, скорбя о потере Арена, ушел готовить сожжение.

Лекан считал, что Меньший не стоил всей этой возни. Арен чересчур осмелел и получил естественное наказание для недостойного человека за неестественную гордыню. Будь Арен поскромнее, его сын тоже не стал бы так подставлять Кагисо. Знай эти Меньшие свое место, утренних неприятностей можно было избежать.

А теперь Лекан получил от матери жестокий выговор. Она заставляла его страдать за чужие ошибки. Нужно найти нового инколели для Ихагу, сказала она, а поскольку Джабари не попал в цитадель, феоде уже в достаточно затруднительном положении. Она проклинала глупость мужчин и говорила, что Богиня оставила ее, если послала таких сыновей.

Лекан, зная материнский нрав, стоял молча. Джабари попытался спорить. Она выслала его прочь из комнаты.

Когда они остались вдвоем, мать сказала Лекану единственное, что за весь этот день его порадовало. Она хотела, чтобы во время сожжения он арестовал Тау Тафари и чтобы на следующее утро его повесили за нападение на Вельможу. Вот за такие решения Лекан восхищался матерью. Он знал, что она умела проявлять твердость, когда это было необходимо.

Позже в ту ночь на сожжение пришли сотни женщин и мужчин, многие из которых плакали и рыдали так, будто хоронили военного героя. Лекан тоже был там, вместе с несколькими стражниками, но мальчишка Тафари не появился. Не желая терпеть еще одну неудачу, Лекан выслал людей в хижину Арена. Но и там мальчишку не нашли.

Оставшись ни с чем перед наступлением ночи, Лекан отдал своим людям – тем самым, кто разбирался со шлюхой-Меньшей и ее семьей, – приказ найти Тау. А сам удалился в подвал, где взял кувшин доброго старого олу. Мать крепко его отчитает, если Меньший ускользнет, и это, вкупе со всем пережитым за день, дает ему право на дорожную выпивку.

Он выпил кружку залпом, и пока окружавший его мир не успел проясниться, а боль вокруг глаза, куда его ударил Тау, не отступила, он взял второй кувшин, захватил из кухни миску наполовину созревших авокадо и отнес в свои покои.

Вторая кружка помогла. Понравилось ему и нарезать авокадо, воображая, что он вонзает кинжал в плоть сына Арена. Разгоряченный от олу, с набитым желудком, он завалился на кровать и, не снимая штанов и туники, уснул.

Лекан обычно спал крепко, но этой ночью начался дождь, что случалось не так часто, тем более во время Складки. В любую другую ночь дождь едва ли его бы потревожил. Его покои находились на втором этаже, где он не мог слышать, как капли стучат по земле, а ставни на окнах были достаточно толстыми. Нет, Лекан проспал бы и грозу, но он не мог спать под лившем на него дождем.

Он резко проснулся, прикоснулся к своему влажному лицу. В его покоях шел дождь, и это было совершенно необъяснимо. Затем он увидел, что ставни открыты. Лекан сел. Он хотел закрыть их, встал, но тут в изножье кровати увидел демона.

Он взвизгнул и попятился, собираясь уже позвать стражников, хоть и не знал, что те смогут сделать против демона, но тут фигура вышла из тени на свет. Лекан расслабился, но напряжение тут же вернулось. Это был не демон, однако увидеть у своей кровати Мирянина, что был на побегушках у Джабари, казалось немногим лучше.

– Ты что здесь делаешь? – прошипел Лекан.

– Я пришел убить вас, – ответил ему мерзкий и мокрый Мирянин.

– Убить меня? – отозвался Лекан. – Да ты грязный сик!

– Вот кто мы для вас, нэ? Нсику? Не люди, не мужчины. Поэтому вы так легко отдали моего отца на растерзание?

Тон мальчишки Лекану не понравился, и он присмотрелся, нет ли у того оружия.

– Я безоружен, нкоси. Пока я пришел не за вашей жизнью.

Лекан отважился бросить взгляд на ночной столик рядом с кроватью. Кинжал лежал на месте, его лезвие скрывалось под шкурками авокадо.

– Я пришел рассказать, как вы умрете, – продолжил сын Арена, и у Лекана встали дыбом волоски на руках. – Я вступлю в войско как посвященный Ихаше. Я вложу всю свою душу в изучение искусства убийства и буду ждать, когда вы возглавите феоде. Пальм даст вам воинский статус, и вы познаете свое отчаяние.

– Отчаяние? – Лекан выдавил смешок, чуть придвинувшись к столику.

– Каждый день, каждую пору, каждый цикл вы будете жить в страхе, не сможете наслаждаться вкусом еды, солнечным теплом и ночной прохладой – потому что однажды приду я. И вызову вас на кровный поединок, Малый Вельможа Лекан Онаи, и вы умрете на кончике меча моего отца.

Меньший сошел с ума, понял Лекан, мать была совершенно права на его счет. Сын Арена должен был умолкнуть.

– Я – ваше проклятие, – заявил Меньший. – Я – ваша гибель.

– Да ну? – сказал Лекан, хватая кинжал со стола и делая выпад. Он резанул безумца по лицу и почувствовал, как лезвие разрезает кожу и скользит по кости.

Мирянин вскрикнул и отшатнулся, брызнув кровью на пол пунктирной линией. Лекан бросился на него и повалил на пол. Он весил больше шестнадцати стоунов, а Меньший не тянул и на одиннадцать. Ухватив кинжал обеими руками, Лекан прижал его к залитому кровью лицу глумца, давя на него всем телом.

– Убить меня? Убить меня! – процедил Лекан сквозь зубы, пока негодяй извивался под ним. – Я собираюсь сжечь всю твою семью. А сестры у тебя есть? – выпалил он. – Да? Джелани? Я возьму ее этим же ножом!

У Лекана в паху вспыхнула боль, обожгла его и поднялась к животу. Он резко вдохнул воздух, теряя силы, и сдался перед болью, которую причинило ему колено Мирянина. Тот выбил кинжал у него из руки и, оттолкнув Лекана от себя, вскочил на ноги.

Лекан встал, замахнулся, целясь Меньшему в лицо, но тот увернулся и обхватил его, выбив воздух из легких, и они снова завалились на пол. Они перевернули прикроватный столик, окативший их остатками олу из кружки. И стали бороться под открытым окном, под бушующей снаружи бурей.

Лекан, пользуясь своей силой, бил и колотил Тау. Оказавшись сверху, он ударил Мирянина, высвободился из его хватки и пнул в бедро – он целился в ребра, но не попал.

Тау хотел встать, но Лекан бросился за своим кинжалом. Поднял его с каменного пола, прижался спиной к стене, а когда повернулся – увидел, что Меньший бежит прямо на него. Он выставил вперед руку, чтобы проткнуть тощего мальчишку, но Мирянин споткнулся об упавшую кружку олу и рухнул, и Лекан промахнулся и пропорол грязную тунику Тау вместо того, чтобы вонзить лезвие ему живот.

Они столкнулись и снова сцепились в борьбе. Лекан резанул Тау, но нанести смертельный удар не мог: лезвие застряло в разорванной ткани. Пока он возился с кинжалом, пытаясь его высвободить, пальцы Меньшего обхватили его шею. Лекан приготовился уже кричать, звать стражу, чтобы покончить с этим фарсом, но его ударили головой о стену.

У Лекана в глазах вспыхнули искры, и прежде чем он успел прийти в себя, его голова снова стукнулась о твердый кирпич. Он впился ногтями улюдку в руку, но его ударили головой в третий раз, и искры превратились в множество солнц.

Вспомнив о кинжале, он попытался вонзить его в Тау, но лезвие все еще удерживала рваная ткань и Лекан не мог как следует ударить. В отчаянии он отскочил от нападавшего, вырвав кинжал. Затем вскинул руку, готовый вонзить клинок Мирянину в сердце, когда его голова снова врезалась в стену, и на этот раз что-то хрустнуло.

У Лекана отнялись ноги, он хотел крикнуть Тау, чтобы тот перестал. Губы не слушались, он ничего не видел левым глазом. Он похлопал ладонью по лицу Тау – та была влажной и липкой. Лекан не понимал, где он и что делает. Он не...

Он снова приложился затылком к стене и увидел лицо матери. Она, еще молодая, наклонилась над ним. Он лежал в своей детской кроватке, она ласково с ним разговаривала. Он потянулся, чтобы коснуться ее, но мать разлетелась на миллионы осколков, время остановилось, и Лекана поглотила боль, какой он не знал в своей жизни.

Падший

У Тау горело лицо там, где его порезал Лекан. Порез был глубокий и тянулся от переносицы до середины правой щеки. Тау повезло, что глаз остался цел. Повезло, что Лекан его не убил.

Тау посмотрел на тело Малого Вельможи, и у него закрутило в животе. Затылок Лекана был проломлен внутрь. Крови вытекло немного, но он явно был мертв.

Тау запаниковал. Он мог уйти, но тело найдут, и тогда его заподозрят. Тау начнут искать, узнают, что он пропал, и накажут его мать, сестру и сестриногo мужа. Единственное, что оставалось, – это бежать всем вместе.

Но далеко они не уйдут. Умбуси устроит за ними погоню. Их найдут и казнят. Он всех уничтожил. Погубил всю свою семью.

Дверь в покои Лекана распахнулась, и ворвался стражник с вытаращенными глазами и мечом наготове.

– Стоять! – приказал стражник. – Тау?

– Очиенг, – проговорил Тау. Его поймал человек, которого устроил в стражу его отец.

– Что ты здесь... Слезы Богини! – воскликнул Очиенг, увидев тело Лекана. – Что ты...

– Я не хотел его убивать. – Тау замолчал. Разве его слова могли теперь помочь?

– Почему я? Почему сегодня? – пробормотал Очиенг. – Почему, Богиня?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.